

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2017 8 (780)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 8 (780)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 8 (780)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2017

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан) *С. С. Куланбаева*, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) *Т. В. Медведева*, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения) *Л. В. Моисеенко*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) *А. И. Мусаев*, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания) *Л. А. Ноздрина*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ) *Т. В. Писанова*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ) *Р. К. Потапова*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан) *О. А. Радченко*, д-р филол. наук, проф. (Россия)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) *М. Н. Русецкая*, д-р пед. наук, проф. (Россия)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ) *И. А. Семина*, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ) *Т. С. Сорокина*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) *И. И. Убин*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Языкознание

И. Василюк, канд. филол. наук (Польша)
Е. Е. Голубкова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. М. Жданова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Е. Б. Карневская, канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Ф. Косиченко, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. Б. Кудрявцева, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. В. Порохницкая, д-р филол. наук (МГЛУ)
Л. Ш. Рахимбекова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. А. Уралова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Г. М. Фадеева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Э. А. Харитончик, д-р филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Н. Цветаева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Дж. Ченки, д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
В. Янулевичене, д-р гуманитарных наук, проф. (Литва)

Литературоведение

А. П. Бондарев, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
В. Н. Ганин, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
О. В. Евтушенко, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Е. В. Сомова, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
С. П. Толкачев, д-р филол. наук, проф. (литературный ин-т им. М. Горького)
С. Н. Травников, д-р филол. наук, проф. (ин-т рус. яз. им. Пушкина)

Культурология

А. Ю. Евдокимов, академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Е. А. Осьминина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. А. Полетаева, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Р. А. Силантьев, д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
В. А. Тёмкин, канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)

Философские науки

В. А. Васильев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
А. Н. Лоцилин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
Ю. А. Сухарев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Прикладные аспекты теории родных и иностранных языков в странах – членах СНГ

Беспалова О. В., Чубарова О. Э.

Грамматические формы в звучащей речи 10

Брайнина Т. Д.

Публичный дипломатический дискурс на международных встречах на высшем уровне (на материале выступлений представителей стран – членов ООН на 70-й сессии Генеральной ассамблеи) 19

Буцкая О. Н.

Топонимы-логоэпистемы в современном русском речупотреблении 31

Курбонов С. Х., Саидджафаров О. Ш.

Сравнительный анализ глагольных сокращений, используемых в диалектах таджикского языка и в классических персидско-таджикских литературных произведениях 41

Макарченко Е. А.

Семантико-стилистический потенциал идентифицирующих и характеризующих обозначений референта в текстах художественной литературы 48

Мартиросян А. Ж., Гюрджинян А. С.

Лингвосемиотический анализ сказок с позиции мифологических универсалий (на материале армянских и английских сказок) 59

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Прикладные аспекты литературоведения в странах – членах СНГ

Гасимова С. Дж.

Движущие силы истории и образ Маргариты Маульташ
(на материале романа Л. Фейхтвангера «Безобразная герцогиня») 69

Гашимова Айбениз Ширин кызы

Особенности литературного мировидения в пьесах
Г. Джавида «Дьявол» И «Шейх Санан» 74

Куцулаб В. И.

К вопросу о специфике тематики молдавских народных сказок 83

Рустамова З. И.

Проблема отношений власти и народа
(«Обманутые звезды» М. Ф. Ахундова
и «Борис Годунов» А. С. Пушкина) 89

CONTENTS

LINGUISTICS

Applied Aspects of Native and Foreign Languages Theory in CIS countries

Introduction	9
<i>Bespalova O. V., Chubarova O. E.</i> Pronunciation of Grammar Forms	10
<i>Braynina T. D.</i> Public Diplomatic Discourse at International Summits (based on the speeches of UN member-states representatives at the 70 th session of the UN General Assembly)	19
<i>Butskaya O. N.</i> Toponyms–Logoepestemes in Modern Russian Use of Speech	31
<i>Kurbonov S. Kh., Saidjafarov O. Sh.</i> Comparative Analysis of Reduced Verbal Forms in Tajik Dialects and Tajik-Persian Classical Literature	41
<i>Makarchenko K. A.</i> Stylistic-Semantic Potential of Identifying and Characterizing Referentnames in Fiction Texts	48
<i>Martirosyan A. Zh., Gyurjinyan A. S.</i> Linguo-Semiotic Analysis from the Point of Mythological Universals (based on Armenian and English fairy tales)	59

LITERARY STUDIES

Applied Aspects of Literary Studies in CIS countries

Gasimova S. J.

The Driving Force of History and the Image of Marguerite Moulitas
(on the novel by L. Feuchtwanger «The Ugly Duchess») 69

Hashimova Aybeniz Shirin kizi

Specific Features of the Literary Worldview in the Plays
by H. Javid «The Devil» and «Sheikh Sanan» 74

Kutsulab V. I.

Revisiting the Spirit of Moldavian Folk Tales 83

Rustamova Z. I.

The Problem of Power and People (on the works «Deceived Stars»
by M. F. Akhundov and «Boris Godunov» by A. S. Pushkin) 89

ВСТУПЛЕНИЕ

В настоящем издании представлены статьи вузов-партнеров Московского государственного лингвистического университета стран – членов Содружества Независимых Государств. Большая часть работ отражает современное состояние государственных и иностранных языков в странах – членах СНГ. Несколько статей посвящено частным вопросам литературоведения.

Издание включает два раздела:

1. Языкознание: «Прикладные аспекты теории родных и иностранных языков в странах – членах СНГ».

2. Литературоведение: «Прикладные аспекты литературоведения в странах – членах СНГ».

Редакция выражает искреннюю признательность и благодарность рецензентам МГЛУ: кандидату филологических наук, доценту С. А. Андреевой; кандидату филологических наук, доценту Т. Д. Брайниной; кандидату филологических наук, доценту А. Д. Жук; кандидату филологических наук, доценту Л. В. Ипполитовой; кандидату филологических наук, доценту Е. Ф. Косиченко; кандидату педагогических наук, профессору Н. В. Любимовой; доктору филологических наук, профессору Е. В. Сомовой; доктору филологических наук, профессору С. П. Толкачеву; доктору филологических наук, профессору С. Н. Травникову; доктору филологических наук, профессору О. С. Усковой.

Редакция выражает также благодарность доктору филологических наук, профессору, профессору кафедры лексикологии английского языка МГЛУ Г. Г. Бондарчук за перевод и редактирование текстов на английском языке.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Прикладные аспекты теории родных и иностранных языков в странах – членах СНГ

УДК 372.881.161.1

О. В. Беспалова, О. Э. Чубарова

Беспалова О. В., ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного факультета по обучению иностранных граждан МГЛУ;
e-mail: olgavladis@mail.ru

Чубарова О. Э., кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного факультета по обучению иностранных граждан МГЛУ;
e-mail: olchubaro@yandex.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ В ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Статья посвящена вопросам взаимосвязи фонетической и грамматической систем русского языка и необходимости отражения этой взаимосвязи в учебниках для иностранцев. Предлагаются варианты презентации грамматического материала и заданий, позволяющих учащимся сознательно освоить как написание, так и произношение различных грамматических форм (на примере склонения прилагательных).

Ключевые слова: фонетика; грамматика; взаимосвязь; транскрипция; склонение; прилагательные.

Bespalova O. V.

Senior Lecturer, Department of Russian as a Secondary Language, Faculty of Teaching Foreign Citizens, Moscow State Linguistic University;
e-mail: olgavladis@mail.ru

Chubarova O. E.

PhD (Education), Assistant Professor, Department of Russian as a Secondary Language, Faculty of Teaching Foreign Citizens, Moscow State Linguistic University;
e-mail: olchubaro@yandex.ru

PRONUNCIATION OF GRAMMAR FORMS

The article describes the connection between the phonetic and grammatical systems of the Russian language and the need to explain this connection in textbooks for foreigners. The authors offer different examples and exercises, which could help

students to practise both the spelling and pronunciation of different grammar forms. The declination of adjectives is also provided to further inform the learner.

Key words: phonetics; grammar; connection; transcription; declination; adjectives.

Несмотря на значительное число учебных пособий по фонетике, в том числе и корректировочных курсов, изданных за последние несколько лет, в настоящее время в практике преподавания РКИ фонетическому аспекту уделяется, на наш взгляд, неоправданно мало внимания.

Существует тенденция к сокращению часов, отведенных на занятия фонетикой. Нехватка профессиональных кадров (специалист по фонетике – редчайшая специализация в наше время) приводит к тому, что фонетика либо становится одной из тем выборных спецкурсов, либо исключается из учебных планов как отдельная дисциплина.

В учебниках по русскому языку как иностранному грамматика представлена в отрыве от фонетической системы русского языка.

Очевидно, авторы учебников предполагают, что представлений, полученных учащимися в процессе усвоения вводно-фонетического курса, достаточно для успешного бытия в языке. Дальнейшая корректировка произношения осуществляется в лучшем случае на основе выполнения незначительного числа имитационных заданий. В результате очень часто речь иностранцев, которые изучают русский язык по учебникам и учебным пособиям, игнорирующим фонетический аспект, демонстрирует неразличение твердых/мягких согласных и произношение редуцированных как гласных полного образования.

В современных учебниках базового уровня, как правило, не представлены задания, помогающие выработать у учащихся умения и навыки правильного произношения. Такое отсутствие «фонетического сегмента» при обучении грамматике производит впечатление «системного сбоя»: система ударных и безударных окончаний различных частей речи представлена в материалах презентации только в той форме, в которой она отражается на письме. А между тем в падежных окончаниях различных частей речи, в окончаниях глагольных форм отражены и выражены сразу две основные специфические особенности фонетической системы русского языка – твердость / мягкость согласных и редукция гласных в безударных слогах. Известное явление: билингвы и иностранцы, изучающие русский язык в процессе устного общения, не читающие либо мало читающие

и не прошедшие курс обучения правильному письму, при необходимости отразить мысль в графической форме безударные окончания записывают иначе, чем ударные.

В условиях аудиторной работы, доминирующем визуальном восприятии грамматических форм, возникает эффект «книжного акцента»: в частности, окончания произносятся так же, как они пишутся, без учета явления редукции безударных гласных.

Предполагается, что за первый год обучения студенты подготовительных факультетов должны достичь порогового уровня – В1. Значительная часть времени и энергии всех участников учебного процесса уходит на отработку навыков употребления падежных форм – и на этой стадии выясняется, что студентам наличие двух вариантов окончаний («твердого» и «мягкого») в каждой падежной форме представляется проявлением отсутствия логики в русском языке, что происходит в связи с изначально слабым усвоением противопоставления согласных по твердости / мягкости.

Для развития фонематического слуха требуются целенаправленные и регулярные занятия. Существует значительное число фонетических курсов для разных уровней обучения [Аванесов 1972; Караванова 2015; Колосницына 2007; Одинцова 2004]. Много лет мы успешно использовали и продолжаем использовать по сей день уникальное пособие Г. В. Колосницыной «Слушайте, повторяйте, пойте, говорите, пишите, читайте» [Колосницына 2007]. Уже само название свидетельствует о комплексном подходе к обучению: осуществляется взаимосвязанная работа по развитию навыков аудирования, чтения, письма и говорения, основанная на осмысленном усвоении русской фонетики.

Независимо от того, какой именно корректировочный курс выбирает для своей группы преподаватель, целенаправленные усилия всегда оправдываются: прежде всего, развиваются навыки говорения и аудирования. Знание и даже чувствование фонетических закономерностей языка значительно облегчает усвоение грамматических форм.

Насколько нам известно, преподаватели-практики при предъявлении падежных форм выбирают один из трех подходов.

Первый заключается в следующем: исходя из положения о «невозможности» усвоения иностранцами разницы между твердыми и мягкими согласными, обучают правописанию форм, опираясь на категорию рода и соотношение форм именительного и косвенного падежей.

Логика объяснения примерно следующая: *друг* – существительное мужского рода, оканчивается на согласный. Мягкого знака нет, значит, форма родительного падежа – *друга*. *Словарь* – существительное мужского рода, оканчивается на мягкий знак, значит, в форме родительного падежа пишем окончание *-я* – нет *словаря*. *Мама* – существительное женского рода, оканчивается на *-а*, значит, в форме родительного падежа пишем окончание *-ы* – *мамы*.

Таким образом, в сознании студентов формируется следующее представление: окончание формы косвенного падежа зависит от окончания формы именительного падежа склоняемого слова. Отсутствует представление о фонетических закономерностях такой зависимости.

Второй подход: преподаватель регулярно напоминает учащимся, что правописание окончания связано с одним из базовых положений русской орфографии: буквы *ь, я, и* (равно как *ю* и *е*) обозначают на письме мягкость предшествующего согласного.

Третий подход – логическое продолжение второго: целенаправленное знакомство учащихся не только с ударными, но и с безударными формами окончаний различных частей речи.

При прочно усвоенном представлении о редукции гласных в русском языке безударные падежные формы воспринимаются как один из элементов фонетической систем русского языка. Однако правильное произношение и устранение «книжного акцента» требует постоянного внимания и корректировки.

Рассмотрим опишем некоторые виды презентации грамматического материала и задания, которые предлагаем включать в комплексные учебники разных уровней.

Прежде всего рассмотрим необходимость введения транскрипции – системы графических знаков, позволяющих визуализировать звучащую речь. На наш взгляд, такая необходимость связана с доминированием визуального восприятия речи в большинстве стран современного мира: значительная часть населения планеты живет в мире текстов.

На начальном этапе обучения мы предлагаем использовать упрощенный вариант кириллической транскрипции, т.е. минимальное количество специальных знаков, позволяющих провести границу между письменной и устной реализацией грамматических форм.

Для обозначения гласных звуков употребляются следующие знаки (без дополнительных значков): /и/, /а/, /о/, /у/, /ы/, /э/, /ь/ и /ь/. Знаки

и, а, о, у, ы, э не требуют особых разъяснений: они, соответственно, обозначают гласные /и/, /а/, /о/, /у/, /ы/, /э/. Знаки **ъ** и **у** обозначают очень краткие (редуцированные) гласные, которые произносятся в безударных слогах, кроме первого предупредительного, т. е. во втором, третьем, четвертом предупредительном слоге и в слогах заударных. При этом знаком **ъ** обозначается гласный, средний между /а/ и /ы/. Знаком **у** обозначается краткий гласный, очень близкий к /и/.

Следует заметить, что все безударные гласные в русском языке подвергаются той или иной степени редукции. Но главное внимание мы уделяем качественной редукции гласных /а/, /о/, /э/ которая и фиксируется знаками **ъ** и **у**. Степень редукции безударных гласных /и/, /у/, /ы/ в данной системе остается необозначенной.

Знак **ъ** чаще всего следует после твердого согласного, знак **у** – после мягкого. Мягкость согласного обозначается значком, расположенным справа, выше буквы соответствующего согласного.

Знаками **ј** и **џ** и обозначаются, соответственно, звуки /ј/ (йот) и /џ/ (и неслоговой).

Среди причин отказа от транскрипции или иного графического выражения произношения тех или иных грамматических форм в учебниках и учебных пособиях часто называется нежелание усложнять и без того нелегкий путь студентов, изучающих русский язык «с нуля». Однако такая попытка упрощения вызывает, в лучшем случае, вопрос: «Почему вы произносите совсем не то, что написано?», в худшем – следование графическим образцам как легче запоминающимся. Нужна визуальная опора в учебниках, позволяющая напомнить и студентам, и преподавателям о необходимости соблюдения норм произношения. В то же время задача методистов – облегчить усвоение материала. Как выполнить такого рода задачу при работе со сложными грамматическими темами, не «утяжелить» их восприятие демонстрацией вариантов произношения?

Первый шаг в этом направлении, на наш взгляд, – давать транскрипцию при работе над каждой грамматической формой и регулярно предлагать задания, требующие концентрации внимания на особенностях звукового облика слова.

Например, предлагается дополнить традиционную презентацию грамматического материала транскрипционными знаками. При знакомстве с системой форм (либо отдельными формами) существительных

и прилагательных имеет смысл обращать внимание на зависимость как написания, так и произношения данных форм от твердости / мягкости согласных основы и особенностей редукции гласных.

Родительный падеж существительных мужского рода	
старый друг Игорь	– старого друга Игоря [стар'эвъ другъ игьр'ь]
синий карандаш	– синего карандаша [с'ин'эвъ кьр'ндаша]
большой словарь	– большого словаря [бал'шовъ слъвар'а]

Ниже представлены примеры возможных вариантов заданий.

1. Слушайте и читайте слова, обращая внимание на особенности произношения окончаний.

Визу: отца, брата, друга, Игоря, врача, москвича, секретаря, директора, преподавателя, Павла...

2. Выберите и прочитайте:

- а) только формы существительных, основа которых оканчивается на твердый согласный;
- б) только формы существительных, основа которых оканчиваются на мягкий согласный;
- в) только формы существительных с ударным окончанием;
- г) только формы существительных с безударным окончанием.

Простая и действенная система имитационных заданий, помогающих при работе с произношением грамматических форм, представлена в статье М. Г. Лукановой и С. Г. Персияновой «Работа над формой слова: взаимосвязь фонетического и грамматического аспектов» [Колосницына 2007].

Мы также предлагаем давать описание целостной системы произношения твердых и мягких, ударных и безударных окончаний. Так как эта система часто оказывается более сложной, чем ее вариант, отраженный на письме, имеет смысл вводить ее как обобщение уже после того, как «собственно грамматический» материал усвоен учащимися. В процессе такого обобщения происходит повторение и углубление понимания грамматических форм и фонетических закономерностей русского языка.

Попробуем продемонстрировать один из способов предъявления такой системы на примере работы с формами прилагательных – одной из основных грамматических тем базового уровня.

Ниже представлены 8 типов склонения прилагательных, выделенных на основе соотношения написания и произношения. Успешность обучения студентов определяется, по нашему мнению, тремя факторами: усвоением места ударения, усвоением различия согласных по твердости-мягкости и учетом орфографических особенностей окончаний прилагательных. Соотношение данных факторов и легло в основу выделения нескольких типов изменения прилагательных.

1 тип. Ударение на окончании, основа оканчивается на твердый согласный, кроме *ш, ж, к, г, х* (*больной, босой, второй, родной, злой*).

2 тип. Ударение на окончании, основа оканчивается на *ш* или *ж* (*большой, чужой*).

3 тип. Ударение на окончании, основа оканчивается на *к, г, х* (*такой, плохой, другой*).

4 тип. Безударные окончания. Основа оканчивается на твердые согласные, кроме *ш, ж, к, г, х* (*первый, пятый, слабый, странный, любимый, веселый, важный, тяжелый, сильный, красивый, новый, здоровый*).

5 тип. Безударные окончания. Основа оканчивается на *ш, ж* (*хороший, старший, свежий, прохожий, белолицый*).

6 тип. Безударные окончания. Основа оканчивается на *к, г, х* (*русский, мягкий, строгий, тихий, легкий*).

7 тип. Безударные окончания. Основа оканчивается на мягкие согласные, кроме мягких *к, г, х* (*синий, вчерашний, здешний, летний, карий, лишний*).

8 тип. Притяжательные прилагательные с безударными окончаниями (*рыбий, собачий*, а также числительное *третий*).

Стоит обратить внимание учащихся на следующие особенности произношения окончаний прилагательных.

1. На месте буквы *г* в окончаниях родительного падежа единственного числа мужского и среднего *-ого, -его* произносится звук /в/. Следует обратить внимание на отчетливость произнесения /в/ между гласными.

2. В окончаниях *-ое, -ая* прилагательных и местоимений на месте буквы *е* или *я* произносится обычно /ц/. Прилагательные женского и среднего рода с безударными окончаниями *-ая, -ое* произносятся одинаково: *новая* и *новое*, *добрая* и *доброе*. Таким образом, произношение прилагательных в сочетаниях *новая квартира* и *новое дело* не различаются.

3. Окончания *-ые, -ие* в именительном падеже мн. числа произносятся как /ьи/, /ии/. Однако при очень отчетливом произношении, а также в конце фразы окончание может звучать как /ыцц/.

4. Безударное окончание *-ый* в именительном падеже единственного числа мужского рода произносится так, как если бы было написано *-ой*. Таким образом, слова *старый, добрый, новый, умный* произносятся так же, как и формы косвенных падежей женского рода: к *старой, новой, доброй*, а именно – с /ь/ в окончании: /ста́ръцц/.

5. В окончании винительного падежа женского рода *-ую* на месте буквы *ю*, как и в других случаях после гласного, произносится /цц/. Необходимо обратить внимание на то, чтобы в безударном окончании *-ую* на месте буквы *у* произносился звук /у/, а не редуцированный /ь/.

6. При склонении притяжательных прилагательных в косвенных падежах присутствует согласный звук /j/. Сравните: *горячего – птичьего*.

В учебнике или учебном пособии как минимум один из типов склонения прилагательных рекомендуется представить в виде таблицы с транскрипцией. Например:

1 тип. Ударение на окончании, основа оканчивается на твердый согласный, кроме ш, ж, к, г, х (больной, босой, второй, родной, злой)

Какой?	Какая?	Какое?	Какие?
живой [жывой]	живая [жывацц]	живое [жывоцц]	живые [жывьи]
живого [жывовъ]	живой [жывоцц]	живого [жывовъ]	живых [жывых]
живому [жывому]	живой [жывоцц]	живому [жывому]	живым [жывым]
живой / живого	живую [жывуцц]	живое живым	живые / живых
живым [жывым]	живой [жывоцц]	[жывым]	живыми [жывыми]
(о) живом [жывом]	о живой [жывоцц]	о живом [жывом]	о живых [жывых]

Далее учащимся предлагается составить свои таблицы с прилагательными других типов, написать транскрипцию (это возможно в том случае, если работа с транскрипцией ведется регулярно, в другом случае понадобится помощь преподавателя), проанализировать сходство и различие в написании и произношении окончаний в прилагательных разных типов. Такую работу хорошо проводить в группе в несколько этапов.

1 этап – создание таблицы.

2 этап – воссоздание учащимся своей таблицы на доске либо в форме презентации.

3 этап – анализ сходства и различия написания и произношения падежных форм прилагательных одного типа.

Затем рекомендуется выполнить следующие виды заданий, каждое из которых преследует определенную цель.

1. Различение твердых и мягких согласных. Фонетический диктант (*синий – сильный, лысый – лисий, вдовый – вдовий, лишний – лыжный...*).

2. Тренировка артикуляций (палатализации и веляризации).

Только твердые согласные в составе прилагательного (*полных, живых, красных...*).

Только мягкие согласные (*тихий, вещей, синий...*).

Переход от твердых согласных к мягким, и наоборот (*любимыми, сильными, пыльными, красивых, тихих, русских и немецких*).

3. Работа над графикой и орфографией. Орфографический диктант.

Предлагаемая в данной статье система работы, по нашему мнению, дает возможность не только обобщить и уточнить особенности написания и произношения падежных форм прилагательных, но и способствовать формированию устойчивого навыка их произношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М. : Просвещение. 1972. 415 с.
- Бархударова Е. Л., Панков Ф. И.* По-русски с хорошим произношением: Практический курс звучащей речи: учеб. пособие для иностранных учащихся гуманитарных специальностей. М. : Русский язык. Курсы, 2015. 192 с.
- Караванова Н. Б.* Корректировочный курс фонетики русского языка. М. : Русский язык. Курсы, 2015. 72 с.
- Колосницына Г. В.* Слушайте, повторяйте, пойте, говорите, пишите, читайте. Интерактивный фонетико-разговорный курс: учеб. пособие для изучающих русский язык как иностранный. М. : Русский язык. Курсы, 2007. 96 с.
- Луканова М. Г., Персиянова С. Г.* Работа над формой слова: взаимосвязь фонетического и грамматического аспектов // Русский язык за рубежом. 2015. № 4 (251). С. 30–34.
- Одинцова И. В.* Звуки. Ритмика. Интонация. М. : Флинта-Наука, 2004. 366 с.

УДК 81.34

Т. Д. Брайнина

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета по обучению иностранных граждан МГЛУ; e-mail: tdbraynina@yandex.ru

**ПУБЛИЧНЫЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ВСТРЕЧАХ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ
(на материале выступлений представителей стран – членов ООН
на 70-й сессии Генеральной ассамблеи)**

Цель статьи – исследовать тексты выступлений глав государств на юбилейной сессии Генеральной ассамблеи ООН, чтобы узнать, сформировался ли определенный стандарт выступлений высших лиц государств на международной арене, насколько сходны публичные дипломатические дискурсы представителей разных стран; сопоставить тематику, композицию речей выступающих, выяснить, какие риторические средства они используют. Внимание уделяется проявлению национальных и культурных особенностей в выступлениях политиков и выявлению в дипломатическом дискурсе элементов иных институциональных дискурсов.

Ключевые слова: публичный дипломатический дискурс; политический дискурс; агональный дискурс; риторика; риторические приемы; этноцентризм.

Braynina T. D.

PhD (Philology), Assistant Professor, Department of Russian as a Secondary Language, Faculty of Teaching Foreign Citizens, MSLU;
e-mail: tdbraynina@yandex.ru

**PUBLIC DIPLOMATIC DISCOURSE AT INTERNATIONAL SUMMITS
(based on the speeches of UN member-states representatives
at the 70th session of the UN General Assembly)**

In this work, the text of speeches of Heads of States at the UN jubilee session is analyzed to determine if certain standards of speeches of higher state officials on the international scene is formed, to find out how similar public diplomatic discourses of representatives of different countries are, to compare the subjects and composition of speeches, and to clarify what rhetorical means they use. Special attention is paid to the manifestation of national and cultural peculiarities in the speeches of politicians and to the display of elements of different institutional discourses in the diplomatic discourse.

Key words: public diplomatic discourse; political discourse; agonistic discourse; rhetoric; rhetorical devices; ethnocentrism.

Публичный дипломатический дискурс имеет свою специфику, поскольку обращен к широкой аудитории, этим он отличается от дискурса дипломатических переговоров. Данная институциональная

разновидность дискурса имеет больше общего с политическим дискурсом, поскольку дипломатия является одним из видов политической коммуникации [Терентий 2010].

Кроме того, агентами публичного дипломатического дискурса и политической борьбы в случае, когда мы говорим о главах государств, являются одни и те же люди.

Политический и дипломатический дискурс в последние годы стал объектом пристального внимания лингвистов. Особенно актуальным стал дескриптивный подход к изучению языкового поведения политиков: исследуются языковые средства, риторические приемы и манипулятивные стратегии, используемые политиками и дипломатами в целях убеждения [Баранов, Паршин 1986; Михальская 1996; Николаева 1988].

Нам бы хотелось взглянуть на выступления глав государств с точки зрения использования различных топосов и риторических приемов для создания собственного имиджа и для выражения позиции своей страны по основным вопросам современной мировой политики, а также выявить случаи соприкосновения дипломатического дискурса такого рода с другими институциональными дискурсами. Хотелось бы определить, насколько традиции национальной риторики проявляются в выступлениях на международной арене, насколько отличаются выступления политиков из разных стран по содержанию, композиции и использованию различных фигур речи.

Общеизвестно, что в каждой культуре существуют разные традиции и представления о правилах публичного выступления. Вместе с тем традиции красноречия, сложившиеся в Европе, и лучшие образцы публичных выступлений европейских и североамериканских ораторов и последние два столетия являются ориентирами для риториков многих стран мира.

Многочисленные встречи глав государств, на которых произносятся пространственные речи по одному и тому же поводу и часто освещаются одни и те же проблемы, дают возможность оценить, насколько велики отличия в публичном дипломатическом дискурсе разных стран. Достаточно показательной в этом отношении явилась юбилейная 70-я ассамблея ООН, поскольку практически все выступления участников здесь были посвящены юбилею ООН, оценке роли этой организации в мире.

1. Общие черты выступлений представителей государств – членов ООН на 70-й сессии Генеральной ассамблеи

Значительная часть этих выступлений носила протокольно-этикетный характер и имела много общего. Участники форума в основном говорили о важности Организации Объединенных Наций для всех стран, о ее необходимости для борьбы за мир во всем мире. Большинство участников использовали топос «обращение к истории», рассказывали о роли своей страны в создании ООН. В. В. Путин отметил, что решение о создании ООН было принято на Ялтинской конференции, китайский лидер сказал о том, что Китай был первой страной, подписавшей Устав ООН, министр иностранных дел Саудовской Аравии также упомянул, что его страна подписала Устав ООН в 1945 г. Страны, роль которых в создании ООН не была велика, отмечали свой вклад в борьбу за мир, участие в программах ООН (Япония), в борьбу за права человека (Германия).

Почти все ораторы начинали свои речи с обращения к Председателю и участникам заседания, затем переходили к историческому экскурсу. Далее выступающие говорили о том, что благодаря ООН удалось избежать третьей мировой войны, но, тем не менее, существуют проблемы, и мир не прочен. Некоторые участники говорили о необходимости реформировать ООН из-за ее недостаточной эффективности в современной ситуации (Россия, Белоруссия, Саудовская Аравия) и изменить порядок вхождения стран в Совет Безопасности (Германия, Турция, Бразилия).

Затем почти все выступающие говорили о проблемах беженцев и изменения климата, а также о войнах на Ближнем Востоке и в северной Африке. В зависимости от принадлежности к военным и экономическим блокам или от других геополитических факторов выступающие указывали на опасность, исходящую от США и от исламского терроризма (Россия, Белоруссия, Венесуэла), или от России и исламского терроризма (Финляндия, Швеция). Представители стран Ближнего Востока высказывали претензии друг к другу из-за обострившихся в последние годы конфликтов в регионе.

Обычно в заключение говорилось о необходимости решить названные проблемы, противостоять вызовам современности и сохранить мир для будущих поколений.

Подобный тематический репертуар дискурсов представителей разных культур был обусловлен как единством повода создания текста выступлений и необходимостью реагировать на вполне определенную ситуацию, так и сложившейся традицией выступлений первых лиц государств на международной арене. Дискурс межкультурного взаимодействия вообще предполагает наличие общего стиля поведения, тематического репертуара, сходных интересов и целей коммуникантов [Могилевич 2009].

Все речи произносились в серьезной официальной манере с минимальным использованием выразительных средств языка и риторических приемов. Никаких анекдотов, шуток, обычных для западных, особенно для американских, ораторов, фразеологизмов, направленных на то, чтобы разрядить обстановку, никто из участников не допускал. По-видимому, все эти приемы больше подходят для выступлений перед широкой публикой, а не перед политическим истеблишментом. Кроме того, большое количество конфликтов между странами не настраивали на благодушный лад.

Таким образом, можно констатировать, что сформировался стандарт политических выступлений на международной арене, и большинство политиков придерживаются традиционных для таких ситуаций риторических стереотипов. Вместе с тем следует отметить и проявление специфических национальных и культурных особенностей построения речей некоторых ораторов.

2. Национальные и культурные особенности в дискурсе участников сессии Генеральной ассамблеи

Прежде всего, нужно сказать о сочетании дипломатического и религиозного дискурсов в речи представителей некоторых исламских государств.

Иран. Наиболее значительно национальные и культурные особенности дипломатического дискурса проявляются в стиле выступлений, композиции и содержании речей иранских политиков. На 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН выступал президент Ирана Хасан Рухани (www.iranonline.ru/main/25547/). Он начал свою речь не с обращения к Председателю, а со слов: «Во имя Господа всемилостивого, всемогущего! Хвала Аллаху, мир и благословение пророку Мохамеду и его истинным спутникам». Затем он обратился к Председателю.

Далее Хасан Рухани сказал: «Я выступаю от имени великой нации, которая скорбит о гибели тысяч пилигримов-мусульман...». И он рассказал о трагедии, случившейся в Саудовской Аравии во время хаджа. В смерти многих мусульман он обвинил власти Саудовской Аравии.

За год до этого, на 69-й сессии выступал предыдущий президент Ирана Махмуд Ахмадинежад (youtu.be/OxwBaKz2xPg). Его выступление начиналось словами: «Воздадим хвалу Богу единому, кто милостив и сострадателен. Хвала Богу, господину Вселенной, мир и благословение нашему владыке пророку Мухамеду и его чистому дому, его благородным сподвижникам и всем божественным посланникам...». Затем следовало обращение к Председателю, далее Махмуд Ахмадинежад стал говорить о жертвах наводнения в Пакистане.

Анализ выступлений иранских ораторов показывает, что для национальной риторики этой страны необходимой оказывается преамбула, в которой выступающий должен воздать хвалу Богу и Пророку, а также их сподвижникам. Хвала Аллаху является частью приветствия.

Интересно, что речь представителя Саудовской Аравии также предварялась словами: «Во имя Господа, милостивого и милосердного», но далее развивалась по стандартному «европоцентричному» плану.

Хорошим тоном, с точки зрения иранских ораторов, оказывается обращение в начале речи не к основному объекту всеобщего обсуждения, а к трагическому событию, важному для исламского мира. В выступлениях иранских ораторов отчетливо прослеживается этноцентристская тенденция.

Если рассматривать речи иранских представителей с точки зрения максим Грайса, то мы не увидим в них подлинного стремления к сотрудничеству [Grice 1975]. В отношении максимы релевантности можно сказать, что они не только не говорят то, что от них хотят услышать, но и не считаются со сложившимся на международных переговорах стилем общения (пытаясь максимально соответствовать требованиям своего духовного руководителя), не интересуются обсуждаемыми проблемами, говоря только о том, что волнует их самих.

Речь Хасана Рухани была очень осторожной, оратор «топтался на месте», постоянно добавляя новые детали к уже сообщенным фактам. Например, он сказал о подписанном Ираном, шестью ведущими державами и ратифицированном ООН «Совместном комплексном плане действий». Президент Ирана вместо того, чтобы использовать выражение

«благодаря совместным усилиям было подписано взаимовыгодное соглашение», заметил: «Здесь я считаю нужным подчеркнуть роль всех переговорщиков. Мы приняли решение, сохранив свои принципы, сформировать новую атмосферу и выполнили эту работу. Там, где было нужно, мы шли вперед, и там, где было необходимо, имели мужество быть гибкими, повсеместно используя потенциал международного права, и хорошо выявили возможности конструктивного диалога. Ключевым моментом в успехе диалога было то, что каждый игрок в международной системе, следующий за своими максимальными требованиями и не оставляющий места для противоположной стороны, не может вести речь о мире, стабильности и достижении развития. Подобно тому, как в торговле и экономической деятельности следует учитывать интересы двух сторон, основой политики также должна быть многосторонность и игра по принципу “выигрыш – выигрыш”».

Безусловно, многословие и возвышенный стиль речи иранского президента, как и сравнение внешнеполитической сделки с торговой, не противоречит нашим представлениям о восточном красноречии, и в ООН, где все страны имеют равные (или почти равные) права, безусловно, возможно проявление национальной или культурной специфики. Вместе с тем мы видим, что и во внешней политике, и в культурном отношении Иран держится особняком, и гораздо меньше, чем другие страны стремится к международному сотрудничеству и выработке единых стандартов международного общения.

Иордания. Выступление короля Иордании Абдаллы Второго, который с трибуны ООН произнес проповедь милосердия и терпимости (0001nomer.livejournal.com/6935217.html), было проникнуто доброжелательностью и заботой о будущем человечества.

Представляя свое государство и выступая «как богобоязненный и боголюбивый человек» и «как отец», Абдалла Второй высказал мысль о том, что террористы («законопреступники ислама»), должны быть побеждены ради будущего наших детей, для подтверждения своего тезиса он использовал доказательство «от противного» и прием «доведения до абсурда»: «Но прежде чем ответить на вопрос “как достичь цели”, давайте разберемся – что станет с нашим миром, если они побеждены не будут? Можем ли мы мириться с будущим, где массовые убийства, публичные обезглавливания, порабощение – обычное дело? Где преследование людей – это закон? Где культурное наследие, хранившееся тысячелетиями, систематически уничтожается?».

Но победить религиозную нетерпимость иорданский король предлагал, главным образом, уничтожив духовный источник терроризма в обществе (нетерпимость, страх, обман, неуважение к особенностям других людей):

«1. *Вернемся к основам, к общему духу наших вер и конфессий.* То, что разделяет человечество, минимально по сравнению с тем, что у нас есть общего: глубинные ценности любви, мира, справедливости и милосердия.

2. *Давайте изменим тон ...* когда в наших речах доминируют страх и злоба, мир также оказывается в опасности <...>.

3. *Давайте интегрировать наши ценности в повседневную жизнь каждый час, каждый день.* Давайте относиться с любовью к ближнему, проявлять уважение к тем, кто не такой как мы; быть любезными с нашими детьми.

4. *Давайте сделаем так, чтобы громче звучали голоса умеренных кругов* <...>.

5. *Давайте признаем наличие обмана.* Когда мы изучаем мотивы этих законопреступников и мотивы экстремистов со всех сторон, то видим, что они как маску используют стремление людей к власти и контролю над деньгами, землей, обществом <...>.

6. *Нужно нетерпимо относиться к нетерпимости* <...>.

7. *Гиперсетевая связь.* <...> Гиперсвязь, которая увязала бы всех нас в узы коллективного сознания и общего дела. Сила совместной работы выходит за рамки любых индивидуальных усилий».

Речь Абдаллы Второго, произнесенная на английском языке, была построена подчеркнуто логично, основные тезисы были пронумерованы. Это выступление значительно отличалось и по структуре, и по содержанию, и по речевым средствам, и по тону от всех остальных. Представитель Иордании, не являющейся теократией (в отличие от Ирана), выступал с позиций религиозной нравственности и гуманизма.

3. Сходство текстов выступлений глав государств с полуавторитарными светскими режимами

Неожиданным оказалось сходство выступлений президентов Венесуэлы и Белоруссии. Здесь мы сталкиваемся с сочетанием политического и дидактического дискурсов. Речи Николаса Мадуро

(www.youtube.com/watch?v=CjwAa0wimbw) и А. Г. Лукашенко (youtu.be/k5tJiEeISlg), в частности, были посвящены обвинениям в адрес США и их союзников. Оба оратора использовали вопросно-ответную форму, характерную для дидактического дискурса.

Белорусский президент осудил войны, развязанные НАТО в Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Именно эта тема, затронутая в его выступлении, и освещенная в вопросно-ответной форме, почти точно так же была представлена в речи венесуэльского президента.

Из речи А. Г. Лукашенко	Из речи Николаса Мадуро
<p>Под предлогом наличия химического оружия в Ираке известные государства решили демократизировать Ирак. И где это химическое оружие? Где демократия в Ираке? Зачем убили президента Ирака? Где вообще эта страна, и какое будущее у иракского народа? На территории этого государства людям стало жить лучше? Нет.</p> <p>Вы – виновные – скажете, что ошиблись, надо бы остановиться, но опять же – нет, пошли дальше. Начали с Туниса и закончили Ливией. Сценарий тот же. Распяли президента Каддафи, уничтожив государство. В Ливии стало лучше? Нет. И где эта Ливия вообще как целостное государство?</p>	<p>Война в Афганистане. Мы должны задать вопрос себе: «Она привела к миру? Она создала ситуацию стабильности для народа Афганистана? – Нет, она привела к уничтожению, опустошению и терроризму.</p> <p>Война в Ираке, которая началась в результате сфабрикованных домыслов и лжи... А основанием для начала войны была нефть. А теперь, много лет спустя, можем ли мы сказать что-нибудь об Ираке?</p> <p>Живет ли Ирак в условиях мира? Нет. Страна просто опустошена. Тем, кто вел войну в Ираке, могу сказать, что это привело еще раз к коллапсу в международной политической системе.</p> <p>Потом была война в Ливии. ... никто не имеет права судить и подрывать политический режим по решению другой страны.</p>

4. Проявление непрямого сопротивления и эвфемизация в дискурсе некоторых азиатских политиков

В некоторых выступлениях, как уже сказано, было выражено недовольство американской агрессией в Северной африке и доминирования США в ООН.

Интересную форму выражения неприятия политики США выбрал Председатель КНР Си Цзиньпин (youtu.be/c-gQL2ITmxc). Подразумеваемая возможное лидерство Китая на мировой арене в дальнейшем, он заговорил о том, что *не будет делать Китай, достигнув своей «мечты»: он не будет навязывать никому свою политическую систему, не будет стремиться к доминированию* и т. д. Таким образом китайский председатель осудил политику США и заверил мировую общественность в том, что в качестве лидера Китай предпочтительнее Америки.

Еще более интересную и завуалированную форму осуждения американской политики и диктата США в ООН использовал Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев (www.youtube.com/watch?v=K3r3LHuUheo), предложивший перенести штаб-квартиру ООН в Азию (основания: бурное развитие государств Азии, 2/3 населения Земли живет в Азии, это крупнейший континент).

Антиамериканским было выступление северокорейского представителя, но, несмотря на совершенно ясные и определенные претензии к ООН и США, министр иностранных дел КНДР в одном случае прибег к эвфемизации. Он сказал: «Это трагедия XXI в., что Совет безопасности ООН, который имеет огромные полномочия, действует так неразумно. Над ним просто издевается *одна отдельная страна*». Возможно, это проявление высококонтекстуальной корейской культуры, для которой характерно стремление избегать прямых высказываний.

5. Протестные и убеждающие выступления.

Агональный дискурс

Формально большая часть выступлений соответствовала Коммуникативному Кодексу, вместе с тем, как уже говорилось, присутствовали элементы агонального дискурса в случаях, когда представители разных военных и экономических блоков говорили о политике своих противников. Кроме того, выступления представителей стран, против которых в ООН выносили осуждающие резолюции, отличались по содержанию и стилю от «стандартных» выступлений. К таким странам относятся, например, Северная Корея и Израиль.

КНДР. На 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН Северную Корею представлял министр иностранных дел Ри Су Ён, выступление которого отличалось логичностью и выдержанностью.

В традиционном для выступлений на этой сессии Генеральной ассамблеи ООН историческом экскурсе северокорейский представитель говорил о том, что образование ООН совпало по времени

с разделением корейского народа, и высказывал возмущение в связи с тем, что политика ООН по отношению к его стране полностью определяется позицией США.

Нужно отметить, что в своем выступлении Ри Су Ён говорил только об отношениях между Северной Кореей, ООН и США. Ни по каким другим проблемам международного сотрудничества он не высказывался. Стиль его выступления был близок к европейскому.

Израиль. Что касается выступления израильского премьера, то нужно сказать, что оно было достаточно эмоциональным, изобиловало яркими риторическими приемами и продолжалось более 40 минут, в то время как речи большинства других глав государств обычно укладывались в 20–25 минут. Поведение его перед произнесением речи было своеобразным и несколько агрессивным. Довольно долго он держал паузу, мрачно оглядывая зал и привлекая таким образом внимание к себе.

В начале речи он, как и большинство выступавших, обратился к прошлому, но не к истории создания ООН, а к истории борьбы Ирана против Израиля в Организации Объединенных Наций. Нетаньяху говорил о Резолюции, предложенной 31 год назад Ираном об исключении Израиля из ООН. Вся речь премьер-министра Израиля была направлена на предотвращение снятия санкций ООН с Ирана (www.israelonline.ru/inisrael/полный-текст-речи-биньямина-нетанияг.htm).

Он использовал яркие метафоры: «А сейчас представьте себе, что сделает Иран, когда санкции будут сняты. *Спущенный с поводка и освобожденный от намордника Иран* пустится во все тяжкие, *пожирая одну жертву за другой*. После заключения ядерной сделки Иран тратит миллиарды долларов на оружие и спутники. *Вы думаете*, это делается ради установления мира? *Вы думаете*, сотни миллиардов долларов и жирные контракты *превратят*, в результате снятия санкций, *ненасытного тигра в котенка*? Если вы действительно так думаете, то вам стоит подумать об этом еще раз».

Этот пассаж показывает насыщенность речи Нетаньяху самыми разнообразными тропами и фигурами речи: здесь и метафоры, и анафоры, и риторические вопросы, и даже шуточный совет слушателям: «Если вы действительно так думаете, то вам стоит подумать об этом еще раз».

Метафоричность в тексте выступления израильского премьера сочетается с афористичностью, здесь присутствуют лаконичные формулировки, претендующие на философский смысл и общечеловеческое

содержание: *«Когда дурное поведение вознаграждают, оно лишь становится еще хуже. Дамы и господа, я давно твержу, что самая великая опасность, перед лицом которой стоит наш мир, – это союз воинствующего ислама с ядерным оружием. И я не могу не беспокоиться о том, как бы подписанное ядерное соглашение не оказалось брачным свидетельством, скрепившим этот нечестивый союз».*

Нетаньяху не только применяет метафоры, но и реализует их: «70 лет прошло со времен массового убийства 6 миллионов евреев, и вот правитель Ирана *обещает уничтожить мою страну. Уничтожить мой народ.* И никакой реакции со стороны ООН, практически ни от одного из правительств, представленных здесь, не последовало. *Полная тишина! Оглушительная тишина*». После этой фразы он молчал минуты две, и в зале действительно воцарилась полная тишина.

Нужно отметить несомненное речевое мастерство, убедительность оратора. Вместе с тем мы видим, что речь его была направлена на решение одной проблемы, которая была крайне актуальна для его страны. Здесь мы имеем дело с протестным выступлением, с ярко выраженным агональным дискурсом, резко контрастирующим по стилю с большинством выступлений.

Таким образом, риторика представителей государств, политика которых не находит одобрения в ООН, отличается от риторики основной части ораторов. Представители этих стран пытаются привлечь внимание международной общественности к своим трудностям и не принимают участия в обсуждении глобальных проблем.

Что касается стиля их выступлений, то он может быть нейтральным (Северная Корея), ярким и эмоциональным с использованием самых разнообразных риторических приемов (Израиль).

Итак, проанализировав выступления ряда глав государств и министров иностранных дел стран – членов ООН, мы приходим к выводу о том, что, несмотря на существование определенного стандарта юбилейной речи в ООН, которому следует большое число ораторов, возможны отклонения от общепринятого сценария выступления.

Национальные и культурные особенности государств, тип их правления, а также интересы страны и позиция ее правительства по обсуждаемому вопросу иногда определяют специфику выступлений, их стиль и тип дискурса. Нужно отметить своеобразие стиля и композиции речей ближневосточных ораторов, а также различие их общих интенций: интеграция и установление консенсуса или развитие конфликта.

Анализ некоторых выступлений подтверждает тезис Е. А. Земской, о том, что наряду с принципом сотрудничества в коммуникации, провозглашенным П. Грайсом, в общении большую роль играет и принцип соперничества, который ведет к спорам, полемике и конфликтам [Земская 1988]. Этот принцип нельзя игнорировать, особенно в мировой политике, поскольку он основан на объективных противоречиях интересов различных стран и политических блоков.

Целями дипломатического дискурса часто являются контроль за принятием решений и применение санкций [Терентий 2010]. Традиционная ритуальность и благообразность некоторых дипломатических актов иногда соседствует с проявлениями конфронтации, нетерпимости, выражающимися в агональном политическом дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., Паршин П. Б.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой информации. М. : Наука, 1986. С. 100–143.
- Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.
- Грайс Г. Ф.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–237.
- Земская Е. А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М. : Наука, 1988. С. 5–44.
- Михальская А. К.* Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М. : Академия, 1996. 192 с.
- Могилевич Б. Р.* Особенности дискурса межкультурной коммуникации // Вестник РУДН. Серия Социология. 2009. № 1. С. 44–52.
- Николаева Т. М.* «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенциональности. М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. С. 154–165.
- Терентий Л. М.* Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2010. Вып. 1. С. 47–56.
- Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
- Grice H. P.* Logic and Conversation (eds) / P. Coll, J. L. Morgan // Syntax and Semantics 3: Speech Acts. New York : Academic. 1975. С. 41–58.
- Seidel G.* Political Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4. London : Academic Press, 1985. P. 43–60.

УДК 80

О. Н. Буцкая

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного факультета по обучению иностранных граждан МГЛУ; e-mail: obutskaya@list.ru

ТОПОНИМЫ-ЛОГОЭПИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ РЕЧЕУПОТРЕБЛЕНИИ

Статья посвящена исследованию топонимов-логоэпистем, элементов современного речевого пространства, которые осмысляются на стыке языка и культуры. Понимание текстов, содержащих данные лингвокультурологические единицы, возможно при наличии у речевой личности широкого спектра как лингвистических, так и историко-культурных национально детерминированных знаний. В статье также рассматриваются разнообразные способы включения топонимов-логоэпистем в текст.

Ключевые слова: топоним; логоэпистема; лингвокультурология; речевое пространство; языковая личность; способ включения; текст.

Butskaya O. N.

PhD (Philology), Assistant Professor, Department of Russian as a Secondary Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: obutskaya@list.ru

TOPONYMS-LOGOEPISTEMES IN MODERN RUSSIAN USE OF SPEECH

The article is devoted to the analysis of toponyms-logoepestemes, elements of modern speech, that are conceptualized at the interface of language and culture. Extensive linguistic and historical-cultural nationally predetermined knowledge makes it possible for a language personality to understand texts containing such linguistic and cultural units. The article also considers different methods of incorporating toponyms-logoepestemes into the text.

Key words: toponym; logoepesteme; cultural linguistics; language personality; method of incorporation; text.

1. Топоним-логоэпистема как яркий элемент лингвокультурного пространства

Географические названия, или топонимы, являются важной составной частью лексической системы языка. Они представляют собой одну из наиболее ранних форм отражения географической действительности в сознании человека. Географические названия не связаны с географическим объектом напрямую, связь между топонимом и обозначаемым объектом сложна, опосредована. Значение топонима,

как и каждого слова, – отношение не к самому обозначаемому объекту, а к его образу в нашем сознании. То есть между географическим названием и географическим объектом стоит человек. Отсюда вытекает необходимость изучения топонимов в когнитивно-прагматическом аспекте, который предполагает взгляд на топонимы с позиции человеческого сознания, учитывает связь речемыслительной активности с фондом языкового и неязыкового сознания, с прагматическими установками.

Обращение к когнитивно-прагматическому аспекту языка дает возможность синхронического изучения топонимов в плане реального контекста ситуации. Это позволяет рассмотреть фактическое современное восприятие географического названия членами конкретного языкового коллектива, функционирование названия в сознании личности.

Топоним уже при своем возникновении запрограммирован на многоплановое восприятие, развертывание и конденсацию. Под воздействием языковых единиц в сознании языковой / речевой личности происходит «оживление» имеющихся у него знаний, представлений и впечатлений, а также накопление новых. Глубокое исследование топонимического материала представлено в работе В. В. Молчановского [Молчановский 1984]. По сути, данная работа есть дальнейшее развитие лингвострановедческой теории слова относительно топонимической лексики. Автор выдвигает гипотезу, заключающуюся в том, что географические названия не ограничиваются названием объекта, но, имея сложную структуру значения, содержат компонент, являющийся главным вместилищем национально-культурной информации.

Семантика топонима, по определению Е. Л. Березович, – расширяющийся конус наших знаний об объекте, она неисчерпаема. Что значит для нас, скажем, слово *Волга*? Река в центральной части России? Да, но это лишь энциклопедическое значение топонима. Фоновые же знания представителя нашего лингвокультурного сообщества относительно данного географического имени необъятны. [Кожина, Лекомцева 2004] определяют топоним *Волга* как интегрирующую русскую нацию духовную константу со всеми многообразными ассоциативно-понятийными приращениями в определенном контекстуально-речевом окружении. Авторы статьи на основе многочисленных примеров из литературы, фольклора и изобразительного

искусства выявляют историко-культурную и эстетическую природу ментально «географического» знака отечественной действительности – реки Волги. Исследователи делают вывод: «В произведениях художественной литературы и изобразительного искусства явление гидронимии превращается в многосмысловой знак – емкий образ. Река Волга символизирует мощь и красоту самой России» [Кожина, Лекомцева 2004, с. 33]. На наш взгляд, данные выводы распространяются и на сферы бытового общения, публицистические и научно-популярные произведения.

В нашем понимании, подобный знак, символ, информационная свертка текста, национально детерминированная и хорошо известная «среднестатистическому» представителю того или иного лингвокультурного сообщества, есть логоэпистема.

Совершенно очевидно, что не всякое географическое наименование обладает статусом логоэпистемы. Топоним-логоэпистема – это знаковое имя, за которым стоит определенного рода информация, определенный когнитивный смысл.

Разработка основ теории логоэпистемологии и самого термина «логоэпистема» принадлежит Н. Д. Бурвиковой и В. Г. Костомарову. Создание особого термина «логоэпистема» было обусловлено стремлением авторов проанализировать и упорядочить процессы, характеризующие русский язык на современном этапе. Наиболее яркое явление на данный момент – карнавализация русского языка, связанная с карнализацией окружающей действительности в переломный, кризисный, период в жизни российского общества. Ученые – создатели теории логоэпистем отмечают: «Использование современного русского литературного языка стало нестандартным. Стремясь соответствовать, причем как можно быстрее, процессам развития российского общества, язык стал меняться аномально ускоренными темпами. Опровергаются и ссылаются в запасники идеологические формулы, происходят оценочные замены понятий ... Текст становится многомерным, многопространственным, часто состоит целиком из иноконтекстных или видоизмененных цитат, характеризуясь наслоением смыслов и предполагая активное соучастие получателя информации в их расшифровке, задавая горизонтально ассоциативный маршрут нового вертикального контекста, новой смысловой парадигмы ... Так или иначе коммуникация на современный манер требует от ее участников большого количества историко-культурных знаний и навыков

облекать эти знания в слово и воспринимать их в слове» [Бурвикова, Костомаров 2003, с. 42]. Таким образом, категории, используемые в парадигме нового научного лингвокультурологического знания, должны иметь стыковочный характер и требовать осмысления на двух уровнях – на уровне языка и на уровне культуры.

Логоэпистема определяется как языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате создания и постижения духовных ценностей отечественной и мировой культур. Логоэпистемы служат символами действий, фактов и мифов, эмблемами привычек и ритуалов, составляют материализацию национальной духовности, исторической памяти, костяк этнокультурной ментальности. В то же время они, как ментальная составляющая жизни отдельного человека и всего этноса в его истории, в его «национальной идее», иррациональны и субъективны. Ученые называют логоэпистемы символами чего-то стоящего за ними, сигналами, заставляющими вспомнить некоторое фоновое знание, некоторый текст. Сама же логоэпистема представляется тогда эмблемой, сверткой символики текста, единицей описания текста в лингвокультурном аспекте. Смысл логоэпистем, отмечают исследователи, в том, что они позволяют ярко, образно, с опорой на исторический опыт народа и что немаловажно – кратко, одним намеком, «свернуто» выразить мысль и чувство. Разумеется – в общении с себе подобными, т. е. владеющими тем же или, по крайней мере, сходным набором логоэпистем.

Топонимы, обладающие статусом логоэпистемы, представляют собой также символ, некую информационную свертку, несут определенный когнитивный смысл, компрессивно и экспрессивно передают содержание текста.

«Ну а в наших локальных московских конфликтах – разве не женщина источник всех *ватерлоо...*» (МК, 22.03.03). Топоним употреблен в значении бесславных кровавых сражений, ассоциации связаны с именем Наполеона, проигравшего эту битву. Вспомним знаменитую крылатую фразу: «У каждого Наполеона есть свое *Ватерлоо*». В обоих случаях оним «Ватерлоо» – символ, эмблема, единица описания текста, т. е. логоэпистема. «Достали! Если ты симпатичная блондинка, то должна петь “люби меня по-чукотски”, если рокерша – с сигаретой и в камуфляже, если из *Свердловска* – продолжательница славных традиций» (из интервью рок-певицы, МК, 14.06.02).

Несмотря на общее ироничное сниженное дискурсивное окружение, в примере прослеживается та же мысль: провинциальный топоним *Свердловск* символизирует русские традиции, русские истоки, сосредоточенные в провинции и отсутствующие в столице.

В процессе коммуникации человек говорящий, или речевая личность, являясь носителем определенных знаний и представлений, актуализирует тот или иной элемент семантики слова, обусловленный конкретной речевой ситуацией. Важно отметить, что человеческое сознание всегда этнически обусловлено, так как в основе восприятия и понимания мира лежит своя система значений, стереотипов, символов, когнитивных схем каждой лингвокультурной общности. Люди, относящиеся к разным культурам, по-разному воспринимают мир. Следовательно, чтобы стать членом того или иного общества, «необходимо усвоить, присвоить опыт, накопленный членами данного общества, достижения (духовной и материальной) культуры, научиться пользоваться объективными материальными предметами, созданными в процессе развития человечества. Иными словами, чтобы стать членом того или иного национально-лингвокультурного сообщества, необходимо «присвоить» сознание этого сообщества, то есть систему значений» [Красных 1998, с. 33]. При этом основным средством получения культурной информации в процессе усвоения и присвоения опыта является язык.

Отметим, что наряду с проблемой изучения языка здесь встает проблема культурной компетенции, и вопрос о том, что из массива русской культуры должно предлагаться представителю другого лингвокультурного сообщества, изучающему русский язык. Д. Б. Гудков в работе «Межкультурная коммуникация: проблемы обучения» отмечает, что различные исследователи обращали внимание на необходимость сконцентрироваться прежде всего на тех особенностях «общего знания русских», которые отличают его от аналогичных феноменов в других лингвокультурных сообществах [Гудков 2000]. Успешное овладение языком подразумевает овладение определенными ментально-культурными схемами и знание их символов, ярлыков (цитат, имен, дат, жестов, сокращений и т. п.). «Этот набор, собственный у каждой национальной культуры, детерминирует языковые значения, особенности общения, смысл текстов и специфику дискурса определенного лингвокультурного сообщества» [там же, с. 34]. Набор указанных сведений формирует знания и представления речевой личности о том или ином явлении.

Что мы называем знаниями и представлениями? *Знания*, по мнению ряда ученых, – это та информация, которой обычно обучают в школе: математические правила, физические и химические законы, географические сведения, точная информация о событиях [Красных 1998; Гудков 2002]. Это определенный набор сведений. Знания имеют необходимым условием максимально возможную объективность, адекватность, истинность.

Представления включают в себя собственно представления, образы и понятия, а также связанные с ними оценки и коннотации, т. е. по сути представления субъективны. Таким образом, «объективные» знания противопоставлены «субъективным» представлениям. Знания – это коллективное достояние, представления же могут быть как коллективными, так и индивидуальными. Различия между индивидуальными и коллективными представлениями могут быть существенными. Например, каково коллективное представление о таком «культурном предмете» в контексте русской культуры, как Санкт-Петербург? «Культурная столица», «Мекка искусств», «Северная Венеция» и тому подобные определения свидетельствуют о том, какой комплекс представлений стоит за данным географическим именем. Однако индивидуальные представления какой-либо языковой личности могут не совпадать с коллективными. Кто-либо может воспринимать Санкт-Петербург как серый, мрачный, неудобный город. Тем не менее, если, например, я назову некий город или некое место маленьким Петербургом, любой представитель русского лингвокультурного сообщества воспримет это высказывание, опираясь, в первую очередь, на коллективные представления о данном географическом имени.

2. Способы включения топонимов в текст

Топонимы – логоэпистемы, функционирующие в русском речевом пространстве, включаются в текст с помощью дополнительных лексических средств. Среди наиболее употребляемых мы выделили следующие:

1) порядковое числительное *второй* (*второй* Брюссель; *За вторым* Буденновском *второй* Хасавюрт; Вот вам и *второе* Косово! Не дайте устроить здесь *вторую* Чечню, мы без колебаний устроим им *вторую* Хиросиму; Завтра может произойти *второй* Чернобыль);

2) местоимения: *свой* (*свои* «пятые авеню» и *свои* «гарлемы»); *свой* Гарлем и Чайна – таун; у каждого Наполеона есть *свое* Ватерлоо); *наши* (посмотрите налево, это *наши* Арбат; *наши* Чикаго); *тот же* (*те же* Буденновск и Первомайское; *тот же* Урюпинск); *такой* (*такие* Эвересты коробок!); *весь* (источник *всех* Ватерлоо);

3) прилагательные, среди которых наиболее частотны: *местный* (*местный* Майдан; грузовик был изъят *местной* Лубянккой; на Рамбле, *местной* Тверской); *новый* (*новый* Сион; *новый* Вавилон, *новая* Мекка; *новая* Хиросима); *российский* (*российский* Стоунхендж, *российский* Версаль; *российская* Северная Венеция); *маленький* (*маленький* Чикаго, *маленький* Париж), а также разнообразные единичные прилагательные (*музыкальные* монбланы; *современный* Вавилон; *туристские* Мекки; *тамошний* Бродвей; *птичье* Эльдorado; *внештатные* Абхазии; *всемирный* Чернобыль; *камбоджийский* Беслан);

4) эпитеты (*суций* Чикаго; *голубая* Мекка; *священный абсолютный* Тамбов; *этакий* большой Гондурас; *гордый* Ирак).

Указанием на символичность, знаковость может служить графическое оформление топонима:

1) написание со строчной буквы, что свидетельствует о деонимизации топонима (*абхазии*, *эвересты*, *монбланы*, *эльдorado*, *мекка*);

2) заключение топонима в кавычки (слово «Ирак» в поисковиках Всемирной сети нынче вне конкуренции; перенос бракосочетания принца Уэльского, конечно, не «Ходынка»; свои «пятые авеню» и свои «гарлемы»; вглядывался в «камчатку»; когда звучат слова «Гарвард», «Сорбонна», «Кембридж», мы думаем о высочайшем качестве образования).

Показателем символичности служит также трансформация грамматической формы топонима. Привычное употребление топонима в форме единственного числа (типичный морфологический признак топонима как уникального, единичного явления) вытесняется его функционированием в форме множественного числа. Данное явление указывает на процесс деонимизации топонима (их дети ... учатся в *англиях*, *швейцариях*, *америках*; покорять *эвересты* в своей жизни нужно ... легко; курорт удобно расположен по отношению ко всем туристским *меккам*; *внештатные абхазии*; источник *всех ватерлоо*).

Обратим внимание на тот факт, что часто совмещаются сразу несколько способов введения топонимов в текст. Например,

использование формы множественного числа сочетается, как правило, с написанием топонима со строчной буквы; местоимения часто сочетаются с прилагательными, эпитетами. Приведенные нами примеры наглядно демонстрируют указанное совмещение способов введения топонимов в текст.

Использование разных способов введения топонимов в текст в сочетании друг с другом создает большую образность, усиливает экспрессивную, символическую функцию топонимов.

Интересно использование топонимов в составе перифраз, дающих отсылку к той или иной логоэпистеме. Данные выражения, или перифразы, являются наиболее сложными в плане «узнавания» логоэпистем, которые не даются в тексте в исходном виде, а лишь «угадываются» в нем. Именно в подобных случаях наиболее ярко проявляется многомерность, многопространственность текста. Для расшифровки такого текста читателю необходимо иметь большой объем историко-культурных знаний. В этой связи становится понятно, почему текст такого рода (многомерный, нелинейный) представляет особую трудность для инофона, у которого может не оказаться достаточного объема историко-культурных знаний для расшифровки текста.

Итак, рассмотрим ряд характерных примеров функционирования топонимов в перифразах.

«Врагу не сдается наш гордый Ирак» (*Иzv.*, 29.03.13). Текст является перифразой знаменитой песенной цитаты *врагу не сдается наш гордый «Варяг»*. Статья повествует об освободительном движении в Ираке против американской оккупации. Перифраза данной логоэпистемы искажает ее патетический характер, снижая ее пафос и придавая, как нам кажется, ироничную окраску высказыванию в целом. Так, видимо, автор статьи выражает собственную оценку событиям в Ираке. Вообще, ярко выраженная авторская позиция – типичный признак современного газетного стиля.

«Если мы будем правильно объяснять (то есть говорить о том, что все национальности равны, и мы должны учиться жить мирно), то будет меньше того кошмара, который есть сейчас. А если неправильно, то будет Нальчик, сначала *Нальчик-с-пальчик*, а потом неизвестно, до каких размеров разрастется» (*из интервью с режиссером мультфильма «Гора самоцветов», НТВ, 24.10.05*). Топоним «Нальчик» в тексте эксплицирует информацию о попытке террористов захватить стратегически важные пункты в Нальчике осенью 2005

года. Топоним «Нальчик» здесь обладает логоэпистемологическими характеристиками и употребляется как символическое, обобщенное наименование вооруженного конфликта вообще. Представляет большой интерес новообразование *Нальчик-с-пальчик*, образованное на базе логоэпистемы *мальчик-с-пальчик*. Авторский замысел подобной трансформации очевиден: попытка вооруженного захвата власти в Нальчике была быстро пресечена, последствия конфликта оказались, к счастью, невелики. Таким образом, локальный, небольшой, без существенных последствий конфликт образно иллюстрируется отсылкой к логоэпистеме *мальчик-с-пальчик* (маленький человек). Схожая звуковая оболочка (мальчик – Нальчик) делает возможной подобную трансформацию.

Особо выделим ситуации функционирования топонимов в перифразах логоэпистем, содержащих ненормативную, или бранную, лексику. Употребление топонимов вместо инвективной лексики делает их своего рода эвфемизмами. Причем сохраняется экспрессивность фразы (выражения, содержащие нелитературную лексику, всегда повышено экспрессивны)

«Вся Москва в полном Хопре» (*Изв.*, 29.10.12). Топоним «Хопер» функционирует в тексте, образованном на базе логоэпистемы *быть в полном ...*. Однако сам текст никакой сниженной коннотации не содержит, а лишь рассказывает об урюпинцах и об урюпинском землячестве в Москве (город Урюпинск расположен на реке Хопер). С помощью отсылки к нелитературному высказыванию автор добивается экспрессивности текста и, как следствие, внимания читателя. Фонетические ассоциации в Хопре – в ... позволяют узнать логоэпистему.

Проблема правильного толкования топонимов-логоэпистем в современном речеупотреблении и способности вступать в полноценный процесс коммуникации особенно актуальна в ходе обучения русскому языку иностранных учащихся и формированию у них лингвокультурной компетенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 532 с.
- Бурвикова Н. Д.* [и др.]. Национально-культурные единицы общения в современном коммуникативном пространстве: лингвометодический аспект: сб. докл. «От слова к делу». X Конгресс МАПРЯЛ / Н. Д. Бурвикова,

- В. Г. Костомаров, Ю. Е. Прохоров. М. : Гос. ИРЯП, 2003. С. 40–46.
- Гудков Д. Б.* Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 120 с.
- Кожина Т. Н., Лекомцева Н. В.* Волга как прецедентный знак русской культуры // Ономастика Поволжья. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. С. 21–34.
- Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М. : Диалог – МГУ, 1998. 352 с.
- Молчановский В. В.* Лингвострановедческий потенциал топонимической лексики русского языка и его учебно-лексикографическая интерпретация: дис. ... канд. пед. наук. М., 1984. 201 с.

УДК 811.222.8

С. Х. Курбонов, О. Ш. Саидджафаров

Курбонов С. Х., кандидат филологических наук, доцент кафедры таджикского языка и методики обучения таджикскому языку и литературе филологического факультета Таджикского национального университета; e-mail: kurbonzoda64@mail.ru

Саидджафаров О. Ш., доцент кафедры таджикского языка и методики обучения таджикскому языку и литературе филологического факультета Таджикского национального университета; e-mail: Ozod_060374@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНЫХ СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В ДИАЛЕКТАХ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА И В КЛАССИЧЕСКИХ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

В современных таджикских диалектах фонетические сокращения характерны для всех языковых единиц – слов, словосочетаний и даже предложений. Сокращения, особенно сокращенные слова, встречаются также в классических письменных источниках. В статье проводится сравнительный анализ сокращенных глагольных форм, используемых как в диалектах, так и в письменных источниках. Целью проведенного анализа является выявление существующих между данными формами сходств и установление различий. Среди рассмотренных примеров особое внимание уделяется глаголам *нишастан* (*сидеть, садиться*) и *шинондан* (*сажать, усаживать*), используемых в современных таджикских диалектах.

Ключевые слова: сокращение; таджикские диалекты; персидско-таджикские произведения; глагол; глагол *нишастан*; глагол *шинондан*; глагол *шунидан*.

Kurbonov S. Kh.

PhD (Philology), Assistant Professor, Department of the Tajik Language and Methods of Teaching the Tajik Language and Literature, Philological Faculty, Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan; e-mail: kurbonzoda64@mail.ru

Saidjafarov O. Sh.

Assistant Professor, Department of the Tajik Language and Methods of Teaching the Tajik Language and Literature, Philological Faculty, Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan; e-mail: Ozod_060374@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF REDUCED VERBAL FORMS IN TAJIK DIALECTS AND TAJIK-PERSIAN CLASSICAL LITERATURE

In modern Tajik dialects phonetic reductions are typical of all lexical units, like words, word-combinations and even sentences. Contractions, especially of single words, are also frequent in classical literary works. The article conveys the results of comparative analysis of reduced verbal forms used both in dialects and works of literature. The aim of the analysis is to reveal the common features they possess and

the differences they show. Special attention is paid to the verbs to sit and to plant that are used in modern Tajik dialects.

Key words: contraction; Tajik dialects; Tajik-Persian literature; verb; Tajik verb to sit, Tajik verb to plant.

Сокращение языковых единиц в таджикском языке имеет длительную историю и представляет собой фонетическое явление, зафиксированное еще в доисламских письменных источниках. В частности, это относится к названию раннесасанидского историко-художественного произведения «Корномак Артахшир Попакон», посвященного иранскому царю Ардаширу Бобакону. Первая именная часть данного изафетного словосочетания – *корномак* – подверглась сокращению, так как вспомогательная часть этого слова, уменьшительный суффикс *-ак*, в нем использована не в полной форме, а в редуцированной форме *-к*. Позднее, в классических персоязычных письменных наследиях имя *Артахшира* используется в форме *Ардашир* / *Ардашер*, и такое произношение также является сокращением. Данный пример доказывает, что в таджикских диалектах рассматриваемое фонетическое явление встречалось до появления древних письменных источников.

В современных таджикских диалектах примеры фонетического сокращения затрагивают все языковые единицы: слова, словосочетания и даже предложения. Многие из этих сокращений, особенно сокращенные слова, встречаются в классических письменных памятниках. В этой связи основная задача статьи состоит в выявлении на основе сравнительного анализа сходств или специфики сокращенных глагольных форм, используемых в современных таджикских диалектах.

Глагол *нишастан* (*сидеть, садиться*) в таджикском языке является очень древним. Основа прошедшего времени *-шаст- / -шист-* является его корнем, а *ни-* считается префиксом, который существует более 1400 лет и встречается во многих доисламских персидско-таджикских письменных источниках. Данный префикс главным образом используется для образования повелительного наклонения, а также является средством выражения оценочных значений.

В современном таджикском литературном языке префикс *ни-* в сочетании с корнем (*-шаст- / -шист-*) считается основой глагола *нишастан*. Несмотря на это в современных таджикских диалектах в основном используется только корень глагола *нишастан*, т. е. *шист* (в транскрипционном варианте *шишт*), в то время как префикс *-ни-* не

встречается ни в формах настоящего и будущего, ни прошедшего времени. Более того, под влиянием народных говоров данный глагол часто употребляется в урезанной форме *шист / шаст* также в литературном таджикском языке. Примечательно, что на сегодняшний день глагол *шист / шаст* используется для выражения настоящего и будущего действия в северных диалектах Таджикистана, тогда как в форме прошедшего времени данный глагол употребляется в северном и в южном диалектах.

Сокращение аориста глагола *нишастан* в условно-сослагательном наклонении встречается как в таджикских диалектах (1), так и в письменных классических произведениях (2):

- 1) Омада шинанд, мо ҳеч чиз намеғӯем (северный диалект).
(Пусть придут, мы ничего не скажем).
Биёян бшинан, агар бисё мехоҳан (южный диалект)
(Пусть придут и сядут, если так уж хотят).

- (2) *Суманбӯён ғубори ғам, чу биншинанд, биншонанд,
Парирӯён қарор аз дил, чу бистезанд, бистонанд*
[Шерози 1369, с. 119].

(Благоухающие (красавицы), когда садятся со мной, оставляют во мне печаль;

Красавицы, когда огорчаются, отнимают покой у меня).

В таджикском языке *нишастан* является одним из тех глаголов, от которых можно образовать множество других, например глагол *шинондан*, имеющий значения «сажать», «усаживать», а также ряд переносных значений. В таджикских диалектах вышеупомянутый глагол употребляется как в полной форме – *шинондан*, так и в сокращенной форме *-шинондан*. В классических письменных источниках часто встречается другая форма данного глагола, а именно *-нишондан*. Таким образом, если в таджикских диалектах сокращению подвергся глагол *шинондан*, то в письменных источниках образовалась сокращенная форма *нишондан*.

В диалектах повелительное наклонение таджикского глагола *шинондан* имеет форму *бшон* (южный диалект), а в письменных классических источниках – форму *биншон*. Отрицательная форма повелительного наклонения данного глагола в диалектах выражена словом *нашон* (3), а в классических произведениях – словом *наншон* (4):

(3) *Гулҳоро дар ҷойи соя нашон* (южный диалект)
(Не сажай цветы в тени);

(4) *То битвонӣ, ранча магардон касро,
Бар оташи хаими хеш манишон касро*

[Хайём 1983, с. 7].

(Насколько ты сможешь, не обижай никого,
Не будь причиной гнева других).

Как видно из приведенных выше примеров, несмотря на то, что сокращенные глаголы имеют одно и то же значение, они отличаются друг от друга двумя особенностями.

Во-первых, сокращенная форма, используемая в диалектах, образована от глагола *шинондан*, а в стихах поэта-классика – от *нишондан*.

Во-вторых, в диалекте использован отрицательный префикс *на-*, а в стихотворение – его классическая измененная форма *ма-*.

Глагол *шунидан* – «слышать», «услышать» и его форма *шунавидан* как в таджикских диалектах, так и в классических письменных источниках используется в сокращенной форме во всех наклонениях. Повелительное наклонение данного глагола в северных таджикских диалектах произносится как *шунав* (5), а в южных – как *бинав* (6), т. е. в южных диалектах и префикс *би-*, и сам глагол имеют сокращенную форму:

(5) *Гапои мана шунав, дар замин намон*
(Не пропусти мои слова мимо ушей);

(6) *Бинав, и доф охирон бор мегум:т*
(Слушай меня, я последний раз тебе говорю).

В сокращенной форме данный глагол встречается также в классических источниках, однако в классическом примере только корень подлежит сокращению, в то время как префикс используется в полной форме:

(7) *Сухан биनाव зи лафзи ҳар ҳунарҷӯй,
Аз он соне, ки хуш ояд, чунон гӯй*

[Кубодиёни, Хусрав 1957, с. 129].

(Слушай слова того, у кого есть умение:
Слова мастера стоит приветствовать);

(8) *Биनाव аз най чун ҳикоят мекунад,*

В-аз ҷудоӣҳо шиқоят мекунад [Балхи, Джалаладдин 1886, с. 11]

(Слушай, о чем рассказывает флейта;
О расставаниях рассказывает флейта);

- (9) *Бишнав сухани маро, ки панд аст,
Панди падар аст, судманд аст*

[Ганжави 1987, с. 356].

(Слушай мое слово, оно – мудрость;
Оно – наставление отца, оно полезное).

Сокращенные варианты отрицательной формы настоящего-будущего времени данного глагола в диалектах и в письменных источниках крайне схожи, отличие заключается в префиксах. В диалектах с этим глаголом используется префикс *на-* (10), тогда как в классических произведениях – префикс *ма-*:

- (10) *Ха, хта кар бкн, нашнав, ки чи мегум:т (в южных диалектах)
(Ты прикидываешься глухим, не слушаешь, что я тебе говорю).*

- (11) *Машнав, эй дӯст, ки гайр аз ту маро ёре ҳаст,
Ё шабу рӯз ба чуз фикри туам коре ҳаст*

[Шерози 1984, с. 87].

(Не верь, о моя возлюбленная, что кроме тебя,
я люблю какую-то другую,
Не верь, что днями и ночами у меня есть другая забота,
кроме мысли о тебе).

Глагол *аст* – «быть», который в современном таджикском языкознании часто называется глагольной связкой, и в таджикских диалектах, и в классических письменных источниках, наряду со своей полной формой, также используется в сокращенной форме *-ст*. Следует отметить, что в обеих формах данный глагол всегда пишется и произносится слитно с другими глаголами и чаще используется для обозначения прошедшего времени смыслового глагола, нежели настоящего-будущего времени. Сокращенная форма данного глагола и в диалектах, и в письменных источниках – одинакова:

- (12) *Ў вазифаи хонагиро тайёр накардасту боз мехоҳад кӯча
барояд (в северных диалектах).*

(Он не выполнил свое домашнее задание, да еще хочет выйти на улицу).

- (13) *Ҳар к-ӯ шароби шиқ нахӯрдасту дурди дард,
Он аст, ки аз ҳаёти чаҳонаш насиб нест*

[Шерози, с. 88]

(Тот, кто не испытывал любовь и горечь любви,
Подобен тому, кто не наслаждался мирной жизни).

В южных диалектах сокращенный вариант данного глагола произносится как **-ай: нарафтай** (/ нараф^таст) – «не пошел»; **нагуфтай** (/ нагуф^таст) – «не сказал»; **нанушидай** (/ нан^ушидаст) – «не выпил».

Безпрефиксное повелительное наклонение глагола *истодан* – «стоять» – и в письменных источниках, и в диалектах имеет одинаковую форму *ист* (-о). Однако, когда данный глагол сливается с префиксом **би-**, в южном диалекте и префикс, и глагол *аст* подвергаются сокращению: *бест* – «стой», «остановись». Данная форма не характерна для современного таджикского литературного языка, равно как и для классического стиля изложения, она встречается лишь в южных диалектах. Вместе с тем нельзя не отметить, что повелительное наклонение редуцированного глагола *бест* несколько раз использовано Джалаладдином Балхи в его знаменитом произведении «Маснави Ма’нави»:

(14) *Узр оварданд, к-эй модар, ту бест,
К-ин гуноҳ аз мову аз тақсир нест*

[Балхи 1886, с. 74].

(Извинились перед ней все: «Матушка, остановитесь, что Вы, Ведь эта не наша вина, да это вовсе не ошибка!»).

Важно отметить, что помимо рассмотренных глаголов, и в таджикских диалектах, и в классических письменных источниках, существует множество сокращенных глаголов, которые фонетически часто совпадают или очень близки друг другу, либо, напротив, обнаруживают очевидное фонетическое отличие. В качестве примера можно назвать такие глаголы, как *тавонистан* – «уметь», *баромадан* – «подниматься», *фаромадан* – «спускаться».

Примеры фонетического сходства между таджикскими диалектами и письменными источниками свидетельствуют о том, что в разговорном варианте таджикского языка и особенно в диалектах, сокращение является обычным фонетическим явлением, и именно так рассматривается большинством таджикских лингвистов. Однако данное явление характерно и для классической письменности, независимо от аруза – метрической системы персидско-таджикской классической поэзии, которая, как представляется, способствовала распространению этого народного стиля изложения в письменной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балхи Джалаладдин*. Маснави Ма'нави / Духовное Маснави. Пишовар, 1886. 1600 с.
- Ганджави Низами*. Куллиёт : сб. стихов. Душанбе : Ирфон, 1987. 350 с.
- Кубодиёни, Носири Хусрав*. Гулчине аз девони аш'ар / Избр. стихи. Сталинабад : Главное государственное издание, 1957. 178 с.
- Хайём Умар*. Рубойёт / Четверостишия. Душанбе : Дониш, 1983. 98 с.
- Шерози Са'ди*. Мунтахаби газалиёт / Избранные газели. Душанбе : Дониш, 1984. 416 с.
- Шерози Хофиз*. Девон : Сб. стихов. Тегеран : Хофиз, 1369 ш. 440 с.

УДК 81.22

Е. А. Макаrenchенко

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии немецкого языка Минского государственного лингвистического университета, Республика Беларусь; e-mail: katemak@tut.by

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИХ И ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ОБОЗНАЧЕНИЙ РЕФЕРЕНТА В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье особое внимание уделяется свойствам референтного комплекса, которые обеспечивают взаимодействие идентификации и коидентификации референта в литературном произведении. Референтный комплекс включает в себя кореферентные и референтные имена. Референтное имя идентифицирует объект описания, а кореферентные имена его характеризуют.

Ключевые слова: референтный комплекс; идентификация; коидентификация; референтные имена; кореферентные имена; взаимодействие.

Макарченко К. А.

PhD (Philology), Assistant Professor, Department of German Lexicology, Minsk State Linguistic University, Belarus; e-mail: katemak@tut.by

STYLISTIC-SEMANTIC POTENTIAL OF IDENTIFYING AND CHARACTERIZING REFERENT NAMES IN FICTION TEXTS

The article focuses on the properties of referential complex which enable interaction between identification and coidentification of the referent in a fiction text. The referential complex consists of coreferent and referent names. The referent name identifies the object and coreferent names define it.

Key words: referential complex; identification; coidentification; referent names; coreferent names; interaction.

DAS SEMANTISCH-STILISTISCHE POTENZIAL VON IDENTIFIZIERENDEN UND CHARAKTERISIERENDEN REFERENTENBEZEICHNUNGEN IN DEN TEXTEN DER SCHÖNGEISTIGEN LITERATUR

Die Texte der schöngeistigen Literatur unterscheiden sich beträchtlich von den Texten anderer Kommunikationsbereichen. Der wichtigste Unterschied besteht unserer Meinung nach darin, dass die schöngeistigen Texte eine besondere, vom Verfasser erfundene Welt darstellen, die mit der Realität zwar korreliert, mit ihr aber nicht identisch ist. Schon darum ist die Art und Weise, wie diese erdachte Realität dargestellt wird, für uns vom Interesse.

In einem schöngeistigen Text gibt es einerseits lexikalische Einheiten, die zur Bezeichnung oder Identifikation von Objekten der Realität dienen (diese realen zu bezeichnenden Objekte betrachten wir als *Denotate*, ihre „Stellvertreter“ in der erdachten Textrealität sind *Referenten*). Andererseits entdecken wir in einem schöngeistigen Text zahlreiche Namen, die nicht mehr der Bezeichnung oder Identifikation, sondern eher der Charakterisierung vom Referenten dienen. Diese zwei Arten von Namen werden wir ferner, auf die Theorie der Referenz stützend [Арутюнова 1982; Серль 1982], identifizierende und charakterisierende Bezeichnungen des Referenten nennen.

Das Gesagte sollte folgender Auszug veranschaulichen:

Ich rannte. Ich rannte um mein Leben. Eine Alte, die eben aus der Post Bornholmer Straße gekommen war, drohte mit ihrem Krückstock *meinen Verfolgern*. Die Jagd, die Hatz am Nachmittag war meine einzige Möglichkeit, mit *den Nachbarjungen* in Kontakt zu sein. ... Bald sah ich *die Verfolger* nicht mehr. *Die Jäger* waren abgehängt [Kolbe 1990, S. 43–44].

Das Denotat – die realen Jungen aus der Nachbarschaft – vertritt im Text der Referent, den das Kompositum *Nachbarjungen* benennt und identifiziert, dieses Substantiv ist also der Name des Referenten. Die weiteren Bezeichnungen *Verfolger* und *Jäger* beziehen sich auf den Referenten ohne ihn zu identifizieren, sie stehen eher im Dienste der Charakterisierung, indem sie ein negatives Bild der handelnden Personen schaffen.

Der Gebrauch sprachlicher Mittel in einem schöngeistigen Text ist durch Wunsch, Konzeption und Einfall des Autors motiviert und davon abhängig. Seiner Idee entsprechend schafft der Verfasser eine eigene Realität, eine eigene Welt, schildert Geschehnisse und beschreibt handelnde Personen. Der Schriftsteller entscheidet eigenständig, an welcher Etappe des Erzählens und auf welche Weise er seine Helden darstellt. Dementsprechend erscheinen im Text verschiedene das Objekt des Erzählens ein- oder allseitig – je nach Ermessen des Autors – charakterisierende Bezeichnungen [Наер 1985; Почепцов 1984].

Der Gebrauch von referentenbezogenen Namen lenkt den Ablauf des Erzählens und spiegelt die Entwicklung von Geschehnissen und Beziehungen der handelnden Personen wider, die Handlung selbst folgt diesen Bezeichnungen [Уфимцева 2002, с. 140]. Der Kontext enthält dabei bestimmte Anzeichen, die das Erscheinen entsprechender Namen

des Referenten ankündigen oder erläutern. Meistens entdecken wir solche „vorbereitende“ Information noch bevor eine charakterisierende Referentenbezeichnung eigentlich erscheint. Manchmal sorgt der nachfolgende Kontext für die Klarheit und hilft die notwendigen Wechselbeziehungen herstellen [Падучева 1973]. Die Aufgabe, nicht nur die Ketten von über das ganze Erzählen verstreuten referentenbezogenen Namen zu verfolgen, sondern auch den Referenten und seine Bezeichnungen einander gleichzusetzen, verlangt vom Leser eine große Konzentration und oft auch eine gewisse geistige Anstrengung.

In diesem Sinne könnte folgender Auszug vom Interesse sein:

Kurze Zeit später durfte ich den Nachlass *einer anderen Tante* auflösen, *die gestorben war*. ...Dann entdeckte ich das Atoll, das Schlafzimmer, vollgestopft mit alten Plumeaus, Kissen in verzweifelten Formen, einer Sammlung von Matratzen und endlich, auf dem Nachttisch, der Kommandobrücke des fremden Schiffes, das ich erobert hatte, ein Wasserglas, in dem eine perlweiße, liebenswürdig lächelnde Prothese schwamm. Das Wasser goss ich unter die Matratze, sagte mir, *der tote Kapitän* benötige das Gebiss wohl nicht mehr, und wickelte es in ein Taschentuch, das in der rechten Hosentasche verschwand. ...Mit feiner Sütterlin-Schrift stand das Vermächtnis *der Toten* unter der Fraktur-Druckschrift: Ja, warum wohl! – mit einem feurigen Ausrufezeichen [Kieseritzky 2000, S. 91–99].

Der identifizierende Name des Referenten in diesem Auszug ist *die Tante*: dieses Substantiv bezeichnet für den Leser die Beziehung, welche zwischen dem Autor und der handelnden Person besteht. Die nächste Bezeichnung – der konkretisierende Name *Kapitän* – erscheint erst nach der Information darüber, dass die Tante gestorben war, und nach dem Vergleich des Schlafzimmers der Verstorbenen mit der Kommandobrücke des fremden Schiffes. Nur unter Einbeziehung der erwähnten Informationen kann der Leser *den toten Kapitän* als verstorbene *Tante* identifizieren. Das Erscheinen der weiteren Bezeichnung – *die Tote* – verlangt schon keine besondere Erläuterung und wird durch den vorhergehenden Kontext motiviert.

Bei der Analyse von zahlreichen Texten der schönggeistigen Literatur (60 Kurzgeschichten und 4 Romane, etwa 5000 Seiten, insgesamt 750 analysierte Auszüge) haben wir festgestellt, dass der Kontext immer mehr oder weniger explizite Hinweise auf die referentenbezogenen Namen enthält. Sonst wären die Wahrnehmung und die Deutung des Textes

durch den Leser erschwert. Wir unterscheiden dabei unter impliziter und expliziter Motivation der Referentenbezeichnungen.

Als explizite Motivation betrachten wir die Fälle, in denen der charakterisierende Name des Referenten durch Transposition (meist Substantivierung von Bezeichnungen seiner Handlungen, Eigenschaften usw.) entsteht. Dabei ist die Beziehung zwischen dem identifizierenden und den charakterisierenden Namen des Referenten ganz deutlich und liegt an der Oberfläche, z. B.:

Immer, wenn Gerhard, aus irgendeinem unerfindlichen Grunde betrübt, die Küche verließ, *summte* Marianne ihr helles böses *Lied*. ... Nach zehn Jahren bezog Gerhard den Raum im Keller, nahm einige Tage das ununterbrochene böse Summen seiner Frau in Kauf, die abendlichen Auseinandersetzungen, welche leise verliefen [Harms 2002, S. 258–259].

Die Art und Weise, wie der Referent – *das Lied* – von der handelnden Person präsentiert wird – summte – gibt den Grund, dieses Lied später mit dem charakterisierenden Referentennamen *Summen*, der durch Substantivierung des Infinitivs entstanden ist, zu bezeichnen. Die Gemeinsamkeit der beiden Namen wird auch durch gleiche Attribute betont: böses Lied und böses Summen.

Ähnlich auch hier:

Auf diesem Komposthaufen, der sich an den Plankenzaun lehnte und mit wildem Flieder überwuchert war, stand das Lager des missgestalteten und blödsinnigen Mädchens Thuja. Die halbnackte und schwarze *Blöde* steht langsam auf und bleibt gleich einem heidnischen Götzen auf kurzen, kindlichen Beinchen stehen [Schulz 1996, S. 199–200].

Die dargestellte Person – *das Mädchen Thuja* – wird aufgrund ihrer Eigenschaft – *blödsinnig* – im Folgenden als *die Blöde* bezeichnet. Auch in diesem Auszug haben wir mit der Transposition zu tun, diesmal wird aber ein Adjektiv substantiviert.

Was implizit motivierte Referentenbezeichnungen anbetrifft, so lässt der Kontext auch hier die Zusammenhänge verfolgen; die Wechselbeziehungen zwischen den identifizierenden und charakterisierenden Namen des Referenten sind aber nicht immer so offensichtlich und nachvollziehbar, wie es beim ersten Motivationstyp der Fall war [Макаренко 2011].

Ein Beispiel für die implizit motivierten Referentenbezeichnungen liefert folgender Auszug:

An meinem Tisch saß ein *Beleuchtungstechniker* des Stadttheaters, der Arien im Stil Helge Rosvaenges schmetterte. ... Der *Rosvaenge-Epigone* bat Anita von der Theke an unseren Tisch. Hektisch drängte Anita zum Aufbruch, *Helge Rosvaenge* und ich sollten mitkommen. ... Sie lenkte ihr Auto auf einen bewaldeten Hügel nahe der Stadtmittle, um den *Opernsänger*, dessen Arien mittlerweile schon quälend, weil grölend anzuhören waren, zu Hause abzuliefern. *Helge Rosvaenge* torkelte aus dem Wagen, dann gelang meiner, in ihrer Hektik sehr zielstrebig wirkenden Chauffeuse, den *Tenor* zu umschiffen und die schmale Straße auf der anderen Seite des Hügels hinabzufahren [Nieman 2002, S. 34–40].

Den Haupthelden in dem vorliegenden Auszug verkörpert der Referent mit der identifizierenden Bezeichnung – *ein Beleuchtungstechniker des Stadttheaters*. Die weiter auftretenden Bezeichnungen vom Referenten Rosvaenge – *Opernsänger* – *Tenor* können einen unaufmerksamen Leser irreführen: Wenn man die Information darüber, dass der (Beleuchtungstechniker) Arien im Stil Helge Rosvaenges schmetterte und dessen Epigone (Nachahmer) war, übersieht, sind einem die Zusammenhänge nicht mehr so klar. In diesem Fall verliert man leicht den Faden und versteht man gar nicht, wieso anstelle des Beleuchtungstechnikers ein Opernsänger erscheint.

Der Autor ist also bemüht, dem Leser einen Leitfaden zum Verstehen seines Einfalls zu sichern. Das erfolgt aber, wie gesagt, auf verschiedene Weise – mehr oder weniger explizit. In den meisten Fällen entdecken wir die das Auftreten von referentenbezogenen Namen motivierende Information im Vorfeld, was die Deutung beträchtlich erleichtert. Manche Verfasser, die ihre Leser zum tieferen Nachdenken und zur gründlicheren Analyse des Inhalts anregen möchten, greifen zur Gegenmaßnahme: Sie platzieren die Schlüsselwörter im Nachfeld.

Was die Korrelation von den in den Texten auftretenden implizit und explizit motivierten Referentenbezeichnungen anbetrifft, sieht es so aus, dass die implizit motivierten überwiegen – etwa zwei Drittel aller in den der Analyse unterzogenen Texten der schöngestigen Literatur registrierten Referentennamen. Das lässt sich mit den spezifischen Eigenschaften der schöngestigen Texte verbinden, unter denen vor allem die Neigung zur multidimensionalen und komplexen Darstellung der Ereignisse und Figuren ihre entscheidende Rolle spielt [Макарченко 2011].

Unter diesem Blickwinkel sind die explizit motivierten Referentennamen von den Verfassern wahrscheinlich deshalb nicht so sehr beliebt, weil sie die Zusammenhänge zu direkt darstellen. Die ganze Verwandlungskette

liegt dann an der Oberfläche: das Lied wurde gesummt, so wird es zum Summen; einer verfolgt jemanden, so bezeichnet man ihn nachher als Verfolger. Das macht den Text und dessen Inhalt zwar transparent, erspart aber dem Leser jegliches Nachdenken. Das Werk verliert dadurch an Tiefe und Komplexität, was die Verfasser meistens vermeiden möchten.

Jeder Autor ist im Gegenteil bestrebt, die Leser zu fesseln, in Bahn zu halten, sie zum Nachgrübeln anzuregen. Diese Aufgaben werden erfolgreich durch die Aufnahme in den Text von implizit motivierten Referentennamen gelöst. Während der Leser sich mit dem Text auseinandersetzt, um verborgene Zusammenhänge nachvollziehen zu können, indem er zu verstehen versucht, wieso ein Beleuchtungstechniker plötzlich zu einem Opersänger geworden ist oder was ein Kapitän im Schlafzimmer der verstorbenen Tante zu suchen hat, bekommt er eine Chance, das Werk und dessen Sinne nach Gebühr zu beurteilen und zu schätzen.

In dieser Hinsicht wäre ein weiterer Auszug von Interesse:

Zwei Fremde zeigen Katinka, die in ihren Armen liegt. ... Da stehen sie, ungemein fremd: Katinka, gefunden im Wald, geteert und gefedert. *Die Retter* sind froh, das Rechte getan zu haben. ... Bleiben Sie doch zum Frikassee! – macht er *den Gästen* ein Angebot: Bleiben! Bis zum Abend oder bis zum Einbruch der Nacht! [Harms 2002, S. 260–265].

Dieses kleinere Textfragment veranschaulicht die implizite Motiviertheit von Referentennamen: *Zwei Fremde*, die ein Kind – *Katinka* – im Wald gefunden und es nach Hause gebracht haben, werden dementsprechend zuerst als Retter bezeichnet, und, nachdem sie vom glücklichen Vater auch zum Abendbrot eingeladen worden sind – Bleiben Sie doch zum Frikassee!, werden diese *zwei Fremde*, schon gar nicht so fremd wie vorher, zu den *Gästen* des Hauses. Die Reihe *Fremde* – *Retter* – *Gäste* spiegelt also wider, wie sich die Beziehungen zwischen den handelnden Personen entwickeln, und bildet den inhaltlichen Kettenfaden des ganzen Erzählens.

Dieser Auszug ist auch in dem Sinne interessant, dass er nicht nur architektonische Potenzen von Referentenbezeichnungen offenbart, sondern auch manche semantische Besonderheiten dieser Einheiten, und zwar ihre Fähigkeit eigene Bedeutung sowohl zu verengen als auch zu erweitern [Арнольд 1973, с. 29]. In dem obigen Textfragment haben wir mit der Erweiterung der Semantik zu tun: jede weitere Bezeichnung des Referenten nimmt in sich alle vorherigen auf. Die Retter sind zwei

Fremde, die ein Kind im Wald gefunden haben. Und die Gäste entpuppen sich als zwei Fremde, die von dem Vater des von ihnen geretteten Kindes eingeladen werden.

Noch ein Beispiel für die semantische Erweiterung von Referentenbezeichnungen:

Überall an den Fenstern saßen Leute bei vermutlich teurem Kaffee und Kuchen. ... Wir rührten uns nicht, für einen Augenblick der Unentschlossenheit, in voller Beleuchtung vor den Augen *der Gäste*. ... Die Männer, die schüttelten wir leicht ab, aber nicht die Allwissenheit *der Zuschauer*. [Härtling 1996, S. 39–42].

Auch in diesem Fragment bereichert jedes weitere Glied in der Kette von Referentennamen seine eigene Semantik durch die Semantik vorheriger Namen: Gäste waren Leute, die an den Fenstern bei vermutlich teurem Kaffee und Kuchen saßen, und manches durch diese Fenster beobachteten. Deswegen wurden diese Beobachter ferner als *Zuschauer* bezeichnet.

Was die entgegengesetzte Tendenz angeht, so könnte folgender Textauszug als Beispiel für die Bedeutungsverengung dienen:

Nichts hat die Trennung zwischen *Ost* und West und den beiden Deutschländern so symbolisiert wie die Grenzanlagen, die vom 13. August 1961 an von der DDR errichtet und vereinfacht «Die Mauer» genannt wurden. ... Hohe Subventionen flossen in das «Schaufenster des Westens», das sich möglichst bunt und reich gegen *den grauen Mauerstaat* abheben sollte. ... Hinter der Mauer fing *eine andere Welt* an, mit der man sich, da sie diktatorisch und unsympathisch war, nicht näher befassen musste [Delius 1997, S. 29–31].

Während die DDR und der graue Mauerstaat dank der Information über die Grenzanlagen, die vom 13. August 1961 an von der DDR errichtet und vereinfacht «Die Mauer» genannt wurden, einander vollständig gleichgesetzt werden können, bedürfen die Bezeichnungen *Ost* und *eine andere Welt* einer gewissen semantischen Verengung, weil nicht der ganze Osten und gar nicht die ganze Welt gemeint werden, sondern eins der *beiden Deutschländer*. Zu dieser semantischen Verengung sowie der semantischen Erweiterung in den vorher erwähnten Auszügen verhilft der Kontext, d. h. die entsprechende im Text vorhandene Information.

Die obigen der Analyse unterzogenen Textauszüge veranschaulichen nicht nur architektonische Potenzen und semantische Besonderheiten von referentenbezogenen Namen, sondern auch deren reiches stilistisches

Potenzial. So haben wir im letzteren Fragment neben den Metaphern für die DDR – *eine andere Welt* und *der graue Mauerstaat*, auch eine für Westberlin – *Schaufenster des Westens* sowie eine Reihe von Antithesen beobachten können *Ost ↔ West*, *der graue Mauerstaat ↔ Schaufenster des Westens*, verstärkt durch eine weitere Gegenüberstellung von Epitheta *diktatorisch und unsympathisch ↔ bunt und reich*.

Der häufige Gebrauch von Stilmitteln ist eigentlich eine der wichtigsten unter den Eigenschaften, die die schöngeistigen Texte kennzeichnen. Diese Texte unterscheiden sich von den anderen vor allem durch einen hohen Grad an Expressivität, der in großem Maße durch Tropen – Instrumente der Stilistik – gesichert wird. Und da auch die referentenbezogenen Namen als emotional charakterisierende Bezeichnungen der allgemeinen Textexpressivität im Dienste stehen, sind unter ihnen Metaphern aller Art, Antithesen, Symbole und andere Stillmittel keine Seltenheit, was auch die oben angeführten Auszüge veranschaulicht haben [Макаrenchenko 2012, c. 55–56].

Auch das nächste Fragment liefert ein Beispiel für das Gesagte:

Er glaubte keineswegs, dass sich in diesem *Turm aus Fleisch* ein kleines, dünnes und nach Schönheit lechzendes Mädchen verbarg, wie er es einmal gelesen hatte. Für ihn, dem die Askese für eine menschliche Tugend, ja Pflicht galt, barg *solch ein Körper* eine anarchische Gewalt, eine archaische und tierhafte Gefahr [Vesper 1990, S. 119–120].

In diesem kurzen Auszug erscheint der neutrale identifizierende Name *solch ein Körper* neben der charakterisierenden Bezeichnung des Referenten *Turm aus Fleisch*, die durch eine Abart der Metapher – die Hyperbel – vertreten ist. Die Expressivität dieses Fragments steigert auch ein weiterer Tropus – die Antithese, in der der Ausdruck *ein kleines, dünnes und nach Schönheit lechzendes Mädchen* einen Kontrast zur Charakteristik *Turm aus Fleisch* schafft.

Zum stilistischen Potenzial der Referentennamen gehört nicht nur ihre Fähigkeit, die Expressivität im Allgemeinen zu steigern, sondern auch das Vermögen, die Erzählperspektive zu wechseln [Макаrenchenko 2012, c. 66–67], was wir auch im eben analysierten Auszug gut verfolgen konnten: Die neutrale identifizierende Bezeichnung, in diesem Fall *solch ein Körper*, kennzeichnet die Sicht des Verfassers, während die expressiv markierte Wortgruppe *Turm aus Fleisch* die Einstellung einer der handelnden Personen widerspiegelt. Dieses Fragment lässt eine für den literarischen

Text typische Konstellation erkennen: Normalerweise verbirgt sich der Autor hinter einer neutralen Bezeichnung und lässt die handelnden Personen ein Urteil abgeben.

Auch im folgenden größeren Textfragment kann man das sehen:

Der junge Mann sah sie an, und sie glaubte schon, er werde sich losmachen, aber er senkte den Kopf und betrachtete seine Füße. «Nennen Sie mich *Nick*», sagte *ihr Begleiter* und stolperte über die Steine, die aus dem Weg ragten. ...Die Espressomaschine hatte *Nick* gefunden und auch den Kaffee. ...So trat sie (Frau Larsky) ans Fenster und rief hinunter, ob er, *ihr Gast*, sich nicht die Tiefkühltruhe ansehen könne, die habe ihr Schwierigkeiten gemacht in letzter Zeit, Wasser liefere aus, ärgerlich. ...Nachmittags in ihrem Bett dachte Frau Larsky mit einer gewissen Rührung an *den jungen Mann*. ...*Ihr Bettgefährte* war eingeschlafen, und Frau Larsky fragte sich, warum sie sich solche Mühe machte mit *diesem störrischen jungen Elch*. ...Frau Larsky war nicht wohl, wenn man auf die alten Zeiten anspielte und sie vor *dem Jungen* als den einen Teil eines Paares behandelte. ...Als *Nick* am nächsten Abend nicht nach Hause kam, saßen Tito und Frau Larsky auf der Terasse und machten sich Sorgen wie ein altes Elternpaar. «*Der Kleine* ist in Ordnung», sagte er (Tito) [Waberer 1995, S. 39–58].

Die über den ganzen Text verstreuten Bezeichnungen des Referenten bilden eine Kette: *der junge Mann* – *ihr Begleiter* – *Nick* – *ihr Gast* – *ihr Bettgefährte* – *dieser störrische junge Elch* – *der Junge* – *der Kleine* und erfüllen im Text einige Funktionen. Einerseits zeigen sie an, wie sich die Beziehungen zwischen den handelnden Personen entwickeln: Der am Anfang kaum bekannte *junge Mann* wird zuerst zum *Begleiter* und *Gast*, später zum *Bettgefährten*. Diese Bezeichnungen halten den Text zusammen, heften ihn, fassen das Geschehene zusammen, indem sie jede Entwicklungsstufe der Handlung mit einem neuen Namen des Helden markieren. Auf solche Weise wird die textbildende, anders gesagt, architektonische (auch konstruktive) Funktion der Referentenamen realisiert [Домашнев 1983, с. 35]. Andererseits markieren diese Bezeichnungen auch den Wechsel der Erzählperspektive: Während die neutralen Namen die Sicht des Autors vertreten, lassen die charakterisierenden *dieser störrische junge Elch* – *der Junge* – *der Kleine* die Einstellung einer der handelnden Personen erkennen. Hier kommt auch der expressive Aspekt zur Geltung: Der Wechsel von den neutralen Referentenbezeichnungen zu der expressiveren – *dieser störrische junge Elch* – zeigt eine gewisse Gereiztheit bzw. Bewunderung der Heldin ihrem jungen Geliebten gegenüber, die zum Schluss durch

Besorgtheit und Zärtlichkeit abgelöst werden, die in Bezeichnungen *der Junge* und *der Kleine* ihren Ausdruck finden.

Also auch in diesem Auszug haben wir beobachtet, wie effektiv die Referentennamen dem Verfasser helfen, ein multidimensionales Bild des Geschehens zu schaffen. Im Rahmen dieses Aufsatzes haben wir versucht, ein höchst komplexes, vielseitiges und dadurch noch interessanteres Objekt wie die schöngeistige Literatur unter die Lupe zu nehmen, um einen Einblick in die Aufbaumechanismen eines literarischen Textes zu bekommen und den Beitrag von Referentenbezeichnungen zur Textarchitektur einzuschätzen.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В.* Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л. : Просвещение, 1973. 303 с.
- Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Радуга, 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 5–40.
- Домашнев А. И.* [и др.]. Интерпретация художественного текста / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. М. : Просвещение, 1983. 191 с.
- Макаrenchенко Е. А.* О роли контекста в формировании рядов кореферентных имен в художественном тексте // Вестник Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология. 2011. № 6 (55). С. 72–78.
- Макаrenchенко Е. А.* Статус кореферентных имен в реализации авторской интенции художественного текста (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2012. 132 с.
- Наер В. Л.* Прагматика и ее составляющие: сб. науч. Тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 245. М., 1985. С. 4–13. (Прагматика и стилистика.)
- Падучева Е. В.* Наименование объектов – проблема семантики и стилистики: сб. ст. по повторным моделирующим системам / отв. ред. Н. Л. Сергеева. Тарту : Высшая школа, 1973. С. 148–151.
- Почепцов Г. Г.* Коммуникативно-прагматические аспекты семантики // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1984. № 4. С. 29–36.
- Серль Дж.* Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой. Вып. XIII. М. : Радуга, 1982. С. 179–203. (Логика и лингвистика).
- Уфимцева А. А.* Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. 2-е изд., стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
- Delius F. C.* Die Mauer // Deutschland in kleinen Geschichten. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. S. 24–31.

- Harms I.* Nach Syracuse // Beste deutsche Erzähler 2002. Stuttgart–München: Deutsche Verlags–Anstalt, 2002. S. 256–265.
- Härtling P.* Der wiederholte Unfall oder die Fortsetzung eines Unglücks // Kurzprosa der Gegenwart. Stuttgart u.a.: Klett, 1996. S. 38–48.
- Kieseritzky I. von.* Transaktionen oder die Schule des Lebens // Beste deutsche Erzähler 2000. Stuttgart–München: Deutsche Verlags–Anstalt, 2000. S. 81–111.
- Kolbe U.* Wie ich nach Vineta kam // Schöne Aussichten: neue Prosa aus der DDR. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. S. 41–44.
- Niemann N.* Sankt Martin // Beste deutsche Erzähler 2002. Stuttgart–München: Deutsche Verlags–Anstalt, 2002. S. 14–41.
- Schulz B.* August // Das Sommerlesebuch: Geschichten für die langen Sonnentage. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1996. S. 159–268.
- Vesper G.* Dunkelkammer, in die ein Lichtschein fällt // Dichtung und Heimat: Sieben Autoren unterlaufen ein Thema. Marburg: Hitzeroth, 1990. S. 109–139.
- Waberer K. von.* Der Mann im Mond // Fischwinter. Erzählungen. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1995. S. 34–68.

УДК 81.22

А. Ж. Мартиросян, А. С. Гюрджинян

Мартиросян А. Ж., кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и теории коммуникации Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В. Я. Брюсова, Армения; e-mail: marminej@mail.ru

Гюрджинян А. С., аспирант кафедры лингвистики и теории коммуникации Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В. Я. Брюсова, Армения; e-mail: gyurjinyan.ani@gmail.com

**ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СКАЗОК
С ПОЗИЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ
(на материале армянских и английских сказок)**

Современная лингвистика использует семиотический подход и рассматривает в качестве предмета своего изучения различные естественные и искусственные системы знаков, такие как миф, ритуал, литература, сказка, фильм, визуальное искусство, музыка, история, самого человека и феномен жизни в целом. Данные феномены, имеющие многослойный характер, изучаются разными дисциплинами. Основное внимание в статье уделяется лингвокультурологическому выражению мифологических универсалий в английских и армянских сказках с целью отразить их лингвокультурологические сходства и различия.

Ключевые слова: система знаков; сказка; миф; мифологические универсалии.

Martirosyan A. Zh.

PhD, Associate Professor, Chair of Linguistics and Theory of Communication, Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences, Yerevan, Armenia;
e-mail: marminej@mail.ru

Gyurjinyan A. S.

PhD Student, Chair of Linguistics and Theory of Communication, Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences, Yerevan, Armenia;
e-mail: gyurjinyan.ani@gmail.com

**LINGUO-SEMIOTIC ANALYSIS
FROM THE POINT OF MYTHOLOGICAL UNIVERSALS
(based on Armenian and English fairy tales)**

Modern linguistics employs semiotic approach and considers various natural and artificial sign systems, such as myth, ritual, literature, fairy tale, film, visual art, music, history, man himself, the phenomenon of life in general as the subject of its study. These phenomena, having multilayer character, are analyzed by different disciplines. The article focuses on linguo-cultural expression of mythological universals in English and Armenian fairy tales with the aim to reflect linguo-cultural similarities and differences.

Key words: sign system; fairy tale; myth; mythological universals.

Due to its multilayer character, tale has become the subject of investigation not only for philologists and folklorists but also for scholars of other disciplines. Tale is a work of epic (heroic) genre. There are three main types of tales: a) fairy tales (sometimes they are called mythical, fantastic, magical), b) tales that are based on real stories, c) tales about animals [Belokurova 2007, c. 165]

All scholars agree that structural studies of narrative texts can be first found in the book “Morphology of Fairy Tales” written by V. Propp. Being convinced that the study of different structures of tale is a necessary precondition for its historical studies, at the beginning of his book V. Propp proposes the principles of structural description of this folk genre. He states that the structure is a combination of fixed relations, in which its individual parts are involved in interaction with each other or the whole work. At the same time, “motives” are identified by variability and undergo changes. This, however, doesn’t violate the structural self-regulation of tales. Thus, motives are not characterized by structural stability [Propp 1988]. According to W. Stannar, initial invariants should not be sought here: invariants are the actions of the heroes that are defined by their roles in the development of this action [Stannar 1966, c. 76]. V. Propp has named this aspect of the actions “functions” and on the basis of the features of these functions has proposed the following 4 main theses [Propp 1988, c. 25]:

- 1) functions of characters serve as stable, constant elements in a tale, independent of the performer and the manner of performance. They constitute the fundamental components of a tale;
- 2) the number of functions known to the fairy tale is limited;
- 3) the sequence of functions is always identical,
- 4) all fairy tales are of one type in regard to their structure.

Later I. Nastin, another Russian scholar, proposed that tale is a short and brief myth, which, like the primary myth as well as its mythologemes, develops its plot by the same general axes of semiotics and story lines [Nastin 2007, c. 57].

“Mythologies”, the seminal work of Barthes [Barthes 1972] merits examination in order to establish background, orientation, and perspective on the importance of myth analysis. At the start, he took myth in its traditional sense as stories that are false or at least unverifiable, and that tend to construct a world view, explain certain practices, or the nature of

social institutions. Later he would determine that myth is a language which focuses on the semiological nature of the phenomena [Ibid.].

The perceptions of the objective world are manifested in various activities of the individual [Martirosyan, Adamyan 2014, с. 161]. The mechanisms of social perception (particularly, identification, social visualization) show that a person exists by perceiving the surroundings exceptionally by assessing. I. Nastin states that on the basis of the formation of assessment process primary mythical images-mythologemes are located. Arising in the process of human activity as expanded myths they create the system of measuring mythical-logical cognition, thus, mentoring perceptive and discourse processes. In other words, the entity lives, assesses itself and others, develops its activity within the scope of mythology. By developing this idea I. Nastin proposes that the same myths (mythologemes) that are encountered in different cultures can be classified into 6 main groups [Nastin 2007, с. 41]. They are as follows:

1. Primary state of existence (being)
2. transgression or other events that result in the damage of existence
3. Twin (identical) myths
4. Myths about the group
5. Restoration of the lost integrity
6. Revelation myths

The first (**primary state of existence (being)**) mythologeme is met almost in every fairy tale. Tales begin with the description of the primary state of existence (being), when the world lived in peace. The concepts of prosperity, harmony and justice as the expression of the commencement, the structure of existence are described in this universal. For instance:

Հին ժամանակներում, երբ դեռ գառն ու գելը միշտ խաղում էին իրար մոտ, երբ գետերը կաթն ու մեղր էին հոսում, երբ ամենուրեք տիրում էր սէրն ու հանգիստն անվրդով, արկույսի կողմերում թագավորում էր բարի Արան թագավորը: Երբ որ ծերացաւ, միտք արեց՝ մի էն տեսակ բան շինի, որ իրենից յետոյ բարի յիշատակ մնայ աշխարհիքի երեսին: Ու եօթը ճամբի մեջտեղում շինեց Անմահական մշտադալար այգին («Հագարան Հաիք»):

When good King Arthur reigned, there lived near the Land's End of England, in the county of Cornwall, a farmer who had one only son called Jack... ("Jack the Giant Killer").

The beginning of the tale describes the concepts of prosperity, harmony. In Armenian fairy tale “Հազարան Հաիք” (hereinafter, “Firebird”) it is described that in ancient time, when the lamb and the wolf were playing together, and when the rivers were flowing with milk and honey, and there was love everywhere, on the parts of “Sunlight” King Aran reigned. When he was old, he made his mind to build such a thing that would be the memory of him in the world. And in the middle of seven streets he built a “immortal (evergreen)” garden. Thus, in Armenian fairy tale the concept of peace is highlighted. In the Armenian fairy tale the notion of eternal welfare is of great importance, which is reflected in the fact that the king wanted to build an “immortal (evergreen) garden”. It is worth to note that the word “immortal” is used to ascribe human characteristics to the garden. In the British fairy tale the image of a good king is highlighted. It is the king who is responsible for the welfare of the nation.

From the very beginning of the tale the reader has a certain epic, relaxed mood. But this mood is deceptive, because *transgression or other events that will lead to the damage of the existence* will be described. In this case the involvement of a chaotic factor in the development of the universe and the supposition of the diabolical nature that is unfamiliar to the universe and violates its integrity is being described. For instance:

Արան թագաւորի քաղաքում մի աղքատ պառաւ կին է լինում. Ունենում է մի մինուճար որդի: Օրերից մի օր էս պառաւի տղէն հիւանդանում է, ու սիրտը խաղող է ուզում: Մէրը վեր է կենում, գնում անթառամ Այգին, որ խաղող բերի: Այգեպանները խաղող չեն տալիս: Լուսաբացին պառաւը վեր է կենում, ձեռները դէպի երկինք տարածում ու ճառագած արեւի դէմը կանչում անիծում է: Պառաւն անիծում է թէ չէ, Աստծոյ հրամանով Այգին չորանում է. Կանաչ տերերը թափւում է, պտուղը փչանում, վարդը փուշ դառնում, այգեպաններն էլ կոպիտ, դաժան ու ազգահ գազաններ են դառնում, փախչում են թաւուտներն ու սկսում յօշոտել իրար եւ ում կարողանան («Հազարան Հաիք»):

...The Mount of Cornwall was kept by a huge giant named Cormoran. He was eighteen feet in height, and about three yards round the waist, of a fierce and grim countenance, the terror of all the neighbouring towns and villages... (“Jack the Giant Killer”).

Armenian fairy tale “Firebird” tells about a poor woman who lives in King Aran’s city and has a son. One day the son of this old woman gets ill and wants some grapes. The mother goes to the “Immortal, evergreen

garden” to bring some grapes but the gardeners do not give any grapes to this old woman. So, the mother spreads up her hands to heaven and imprecates a curse. Then, by the order of God the garden withers, the green leaves fall down, the gardeners become harsh, cruel and greedy beasts, run away to the forest and begin killing each other. In the Armenian fairy tale the withered garden, the falling of green leaves, the fact that people become beasts, as well as the existence of discord (begin murder each other) symbolize the misfortune. In Armenian fairy tale the reason for the misfortune is the curse. In the British fairy tale the reason is the fierce and grim giant, who terrorizes the neighboring towns and villages.

Thus, the act of transgression becomes one of the incentives for the development of fairy tale plot. Further actions and functions of the heroes follow these events. Defending the evil becomes the primary function of the main hero and his actions are aimed at restoring the lost integrity. The main characters in the tale are the cultural heroes who demonstrate supernatural abilities since early childhood. This I. Nastin calls **twin myths**.

Unlike myths, where the image of the cultural hero is more vividly described and he is endowed with supernatural power, in fairy tales the same character undergoes some changes. Demythologization of the hero in tales is completed by the designation of the representative from a socially unfortunate and humble family, tribe or village. In tales the hero fights not against the fictitious mythological evil powers, but the difficulties encountered in life. The characters are endowed not with supernatural powers, but with a certain skill, have some advantages over others. For example, the hero is wise, resourceful, able to find a way out of difficult situations or possesses secret knowledge. For instance:

...Մրանց ընտանիքի մեծ տղեն՝ Սամվելը, շատ խելոք ու արարաց էրեխա է լինում, վանքի վարժարանումը կարդացած, վարդապետներից շատ բան սովորած, շատ բանի էլ իրա խելքովը հասած («Սամվելի առակը»):

There was once a very *learned* man in the north-country who knew all the languages under the sun, and who *was acquainted with all the mysteries of creation*. ...He had one big book....it contained *all the secrets of the spiritual world*... (“The master and his pupil”).

In the Armenian fairy tale “Fable about Samvel”, the hero is the eldest son of the family, who is a very intelligent child, has studied in the monastery college, has learnt a lot from his masters and has achieved a lot

owing to his wit. Thus, the hero is distinguished by intelligence, by being educated and polite and having an observant eye. In British fairy tales the cultural hero is learned and has secret knowledge, he knows all the secrets of creation as well as all the secrets of the spiritual world. In both cultures the characters belong to masculine gender. This may be due to the fact that the role of the man is overemphasized in both cultures.

The *battle with the snakes* (battle with chaos, as a non-regulated movement and antisystem) is another form of twin myths. Instead of snakes various types of beasts or giants are very often presented in tales. They violate the initial order of the world trying to maintain their achievements in every way. Cultural heroes are fighting against giants or beasts, trying to bring back the initial state of the world. For instance:

..Արի Արեգն էմ ես, քո սեւ մահն էմ բերել, կանչում է Արեգը, լարում աղեղը ու նետով զարկում Սեւ դեւի մեջտեղի գլխին: Վիշապը ոռնալով թաւալում է գետնին ու շունչը փչելով՝ մոնչում... (“Հազարան Հաիք”):

... Then having tantalised the giant for a while, he gave him a most weighty *knock with his pickaxe on the very crown of his head*, and killed him on the spot... (“Jack the Giant Killer”).

In Armenian tale “Firebird” brave Areg strains the bow and arrow, strikes the black devil in the middle of the head. The dragon prostrates itself on the ground and roars while dying. In the tales of both cultures wild animals, demons, giants usually have several heads, and the hero is able to defeat them and win by cutting their heads. In the Armenian tale bow and arrow are used as a weapon, in the British fairy tale the weapon is the pickaxe.

In British fairy tales sea monsters are usually met. This can have its cognitive background and be explained by the geographical position of the country. For instance:

... The dairymaid said that a great beast with three heads was in the *loch*, which was to devour someone every year... (“Sea-maiden”).

Myths about groups (nation, tribe, clan, an army, fraternity, church, union, community) are also highlighted in fairy tales. The groups represent the idea of carrying and retaining the initial primary state of world creation and are united by common ideas, emotional experience as well as by family ties. For instance:

Արան թագաւորը Ասում է.

- Ա՛յ որդիք, տեսնում էք՝ մեր տէրութեան զարդն ու փառքը փչացաւ: Մեր այգու միակ ճարն ու հնարը Հագարան Հաւքն է, որ ապրում է Կախարդական աշխարհքում: Կտրիճ տղերք էք, նծոյգները նստեցէք, զէնքերն առէք, գնացէք Կախարդական աշխարհքը, Հագարան Հաւքը գտէք, որ մեր Այգում երգի, որ նորից փուշը վարդ դառնայ, գազանը մարդ: Մեծ տղէն ու միջնէկ տղէն ձի են նստում, ճամբայ ընկնում: Փոքր ախպէրն էլ է ուզում գնայ, չեն թողնում: Բայց չի լինում. Ինչ անում չեն անում, չեն կարողանում յետ պահել. Սա էլ վեր է կենում նրանց յետեւից գնում: (<<Հագարան Հաիք>>):

...Now Jack the Giant-Killer, coming that way, was so taken with the generosity of the prince that he desired to be his servant. This being agreed upon, the next morning they set forward on their journey (*seek his fortune in the principality of Wales, where lived a beautiful lady possessed with seven evil spirits*) together... (“Jack the Giant Killer”).

In Armenian tale “Firebird” King Aran tells his sons that the glory of their kingdom has been destroyed and only Firebird can save their garden. He says that it lives in the magic world and orders his sons to travel to that world to find Firebird. The elder sons saddle the horses and start out on their journey. The youngest brother wants to join them but they don’t want him to do that. However, the youngest son follows them. In fairy tales the actions of groups are mainly directed at the restoration of justice and the initial order of the world. In Armenian tale family ties and the idea of fraternity are highlighted. They are united by the idea of defeating evil forces, whereas, in British fairy tale the king and peasant boys are united by the idea and the aim to search for the fortune, for which there will be a need to fight against the evil force.

The next mythologeme which is distinguished by I. Nastin is *the restoration of the lost integrity*. These are myths about Gods, sacrifice, mystical adventures. Unlike myths, the journeys in tales made by the heroes are more vividly described. After the misfortune, the hero has to know about the disaster. In tales this is presented in various ways (for example, the mother's story, the story of passers-by, etc.). But the pivotal part is not how the hero learns about the misfortune but the way he starts out on the journey. For instance:

...Որտեղ ես, հէ՛յ, Կախարդական աշխարհք, քեզ ենք գալիս: Գնո՛ւմ, գնո՛ւմ, շատ են գնում, թէ՛ քիչ, էդ էլ Աստուած գիտի, գնում են

հասնում մի տեղ, ուր երեք ճամփայ բաժանում են. մեկը՝ մեծ, մեկը՝ միջնեկ, մեկն էլ՝ նեղ (“Հազարան Հաիք”):

...Where are you, hey, magical world, we are coming to you. So on they went. God knows how long they were on their way. Further they went and reached a place where three roads were divided: one was wide, one was of medium width, and one was narrow (Armenian tale “Firebird”).

“...the next morning they set forward on their journey together...” (“Jack the Giant Killer”).

This is typical not only of fairy tales, but also of epic poems and novels. This is how Don Quixote is built. On his way the hero can become involved in all kinds of adventures. Adventures are identical and are subject to certain strict laws. This is the first observation. The second observation is that the tale misses the point of the movement. Movement is not described in detail, it is mentioned only two or three times. For example, the first part of the journey is described in the following way: in English – “So on they went, jiggely-jolt, jiggely-jolt. They went a little further and they met a goat ...”, in Armenian – “... Finally, it does not matter whether far or near, he comes to a royal city” [Propp 2000, c. 257].

If the beginning of the tale describes the primary state of existence, the end of the tale points to or predicts the creation of a new world, which is called a revelation myth. The fairy-tale ending describes the death of someone or the marriage of a couple. All these are thought to predict the creation of a new world order. Sometimes the ending describes the primary state of existence, thus forming a frame. For instance:

<<Ծերունի Արան թագաւորը իր թագաւորութիւնը յանձնեց Արեգին: Արի Արեգը բազմեց հօր գահին, եղաւ արի արքայ ու էն երկնքի պայծառ արեւի նման, արարչական սիրով, արդար ու բարի թագաւորեց յար ու յաւիտեա (“Հազարան Հաիք”):

...So married they were, and the whole kingdom was filled with joy at the wedding. Furthermore, the king bestowed on Jack a noble castle, with a very beautiful estate thereto belonging, where **he and his lady lived in great joy and happiness all the rest of their days...** (“Jack the Giant Killer”).

In the Armenian tale “Firebird” the old king Aran gives his kingdom to Areg. Brave Areg takes the throne of his father, becomes a brave king and reigns over the kingdom with love, kindness and fairness. Here, the notion of eternity is linked to the concepts of fairness, kindness and love. The

ending of the British fairy tale is noted for the marriage, and the concepts of joy and happiness are highlighted.

Thus, the hero of the tale is a young man, who wants to have a family, and it is very important to test whether he is mature enough to marry. So, the hero has to overcome obstacles, which will result in self-refinement, inner transformation.

In the Armenian fairy tale the concept of peace is highlighted. In the Armenian fairy tale the notion of eternal welfare is of great importance. In the British fairy tale the image of a good king is highlighted. It is the king who is responsible for the welfare of the nation. In British fairy tales sea monsters are usually met which is rare in Armenian fairy tales. This can have its cognitive background and be explained by the geographical position of the countries.

In Armenian tale family ties and the idea of fraternity are highlighted. They are united by the idea of defeating evil forces, whereas, in British fairy tale the group is united by the aim to search for the fortune, for which there will be a need to fight against the evil force. In Armenian fairy tales the notion of eternity is linked to the concepts of fairness, kindness and love. The ending of the British fairy tales are noted for the marriage, and the concepts of joy and happiness are highlighted.

Thus, it can be concluded that as the tale is a cultural unit, the work of a representative of a nation or an ethnic group, the perceptions and cultural peculiarities of or specific to a particular nation are encrypted in it. Moreover, the tale can be considered as a cognitive unit and averbally expressed text in which mythologemes are vividly expressed and embody the knowledge of the early understanding of the world. In the fairy tales of different cultures the perceptions of the concepts are expressed in the language and can both be the same and different as the linguistic picture of the world includes universal, culture-specific and individual features. The analysis of mythologemes has also brought us to a conclusion that the main theses on fairy tales set forth by V. Propp help to circumscribe the structure of the tale by distinguishing and analyzing mythologemes on its various levels.

REFERENCES

Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2007. 320 с.

Гуцол С. Ю. Семиотический подход к проблемам исследования мифа. URL: lib.iitta.gov.ua/1800/1/st11.pdf

Настин И. В. Психолингвистика. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2007. 180 с.

Пронн В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1988. 230 с.

Пронн В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

Barthes R. Mythologies. Translated by Annette Lavers. N. Y.: Noonday Press, 1972. 164 p.

Martirosyan A., Adamyan T. The analysis of the category of Subjectivity from the Standpoint of Linguistic Sciences // The linguistic Picture of the World, Le Miroir Linguistique de l'Univers. Yerevan : Lingva, 2014. P. 161–170.

Stannar W.A.H. On Aboriginal Religion. Sidney: University of Sydney press, 1966. 326 p.

Zipser J. The Irresistible Fairy Tale: The Cultural and Social History of a Genre. Princeton: Princeton University Press, 2012. 235 p.

Ա. Մարտիրոսյան, Ա. Ադամյան, <<Ես>>-ի կարգի քննությունը լեզվաբանական տարբեր գիտակարգերի լույսի ներքո: УДК 815.512

Прикладные аспекты литературоведения в странах – членах СНГ

УДК 882

С. Дж. Гасимова

доктор философии по филологическим наукам, доцент кафедры теории литературы и мировой литературы Бакинского славянского университета, Азербайджан; e-mail: sali999@yandex.ru

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ИСТОРИИ И ОБРАЗ МАРГАРИТЫ МАУЛЬТАШ (на материале романа Л. Фейхтвангера «Безобразная герцогиня»)

В статье рассматриваются взгляды Л. Фейхтвангера на движущие силы истории, на исторический прогресс. Литературному анализу подвергнут роман «Безобразная герцогиня». Особо отмечается столкновение деятельной личности (Маргариты Маульташ) с жестокой реальностью. Это и составляет основу романа Л. Фейхтвангера.

Ключевые слова: Л. Фейхтвангер; исторический роман; движущие силы истории; Маргарита Маульташ; немецкая литература

Gasimova S. J.

PhD (Philology), Assistant Professor, Department of Literature Theory and World Literature, Baku Slavic University, Azerbaijan; e-mail: sali999@yandex.ru

THE DRIVING FORCE OF HISTORY AND THE IMAGE OF MARGUERITE MOULITAS (on the novel by L. Feuchtwanger «The Ugly Duchess»)

The article discusses L. Feuchtwanger's views on the driving forces of history and on the historical progress. The author carries out literary analysis of the novel «The Ugly Duchess». The clash of the dynamic personality (Marguerite Moulitas) with the cruel reality is emphasized. This is at the core of the novel by L. Feuchtwanger.

Key words: Lion Feuchtwanger; historical novel; the driving forces of history; Marguerite Moulitas; German literature.

Первоначальный взгляд на некоторые произведения немецкого писателя может привести к поспешному и неверному выводу о том, что движущими силами истории нередко является цепочка случайностей,

которая якобы не имеет непреложных социальных законов. Действительно, в ранний период своего творчества Л. Фейхтвангер ошибочно полагал, что не существует прямого и поступательного движения вперед, если опираться на социальные законы в обществе. В известном смысле такой тезис сформировался у писателя благодаря влиянию французского философа Поля Анри Гольбаха. Он утверждал, что жизнь наций и народностей зависит главным образом от широко известных исторических деятелей. П. А. Гольбах имел в виду прежде всего королей, его свиту и законодателей. Л. Фейхтвангер к ним добавлял частные факты из личной жизни королей, богатых феодалов, сановников, чиновников, немецких бюргеров, баронов и представителей других сословий. В список «случайных» исторических событий он также включал болезни, любовные связи и т. д.

В советской историографии этот взгляд гипертрофирован. Некоторые критики считали, что движущими силами истории, по мнению Л. Фейхтвангера, является череда случайных совпадений или, напротив, противоречий. Манифестировалась такая мысль, что на черед случайностей построен и роман «Безобразная герцогиня». Чересчур упрощенческий подход подвел к идее развития или упадка городов исключительно в зависимости от личного волеизъявления самой Маргариты и роковых обстоятельств ее жизни.

Однако подход советских ученых – литературоведов, философов и историков – в настоящее время неприемлем. Скоротечный взгляд фактически нивелирует дипломатическую деятельность главной героини. Неправомерно ставить во главу угла колебания в интимных делах Маргариты, которые молниеносно отражались на всем – благотворно либо катастрофически – в зависимости от перепадов ее настроения. Это противоречит исторической правде и мысли самого писателя. Скорее всего надо говорить о противоречиях в характере и политической деятельности Маргариты. При более внимательном подходе можно заметить, что желание компенсировать внешнее уродство становится основополагающим фактом решающего исторического значения.

Ход истории, как известно, не лишен отдельных случайностей, но их следует рассматривать в диалектическом единстве с философской категорией необходимости. Роль случайности или личного волеизъявления нельзя преувеличивать. Л. Фейхтвангер ясно дает понять, что пополнение государственной казны тех времен зависело далеко не от одной доброй воли Маргариты, обусловленной ее безобразием.

Исторические романы Л. Фейхтвангера, созданные им после Второй мировой войны, ярко продемонстрировали, с одной стороны, талант большого художника слова, с другой – эволюцию его взглядов. В частности, это сказалось на понимании писателем роли и значения общественного прогресса. Если в раннем творчестве данная идея была воспринята им скептически (пьесы «Донья Бьянка», «Коринфская невеста», роман «Томас Вендт»), то в «Безобразной герцогине» и «Еврее Зюссе» он приходит к твердому убеждению, что прогресс является ведущей исторической силой в обществе любых веков, начиная с периода Раннего Возрождения в Германии и заканчивая первой третью XX столетия.

Трансформация идей имела свою подоснову. В вышеуказанных ранних произведениях писатель на собственном опыте лишний раз убеждался в том, что жизнь вокруг него жестокая, неразумная, люди в большинстве своем черствые, бессердечные. Хотя он смотрел на мир глазами подлинного реалиста, вера в прогресс была отчасти подорвана, так как он с недоверием относился к народу.

По этой причине народ в романе «Безобразная герцогиня» представлен, в основном, в виде неграмотной толпы, не умеющей отделять добро от зла. Первое время лишь по наитию народ Германии с трудом принимает благостные начинания Маргариты, но вскоре подвергает все ее деяния полной обструкции. Так решительно разбилась в творчестве немецкого писателя иллюзия бесконфликтности прогресса. Но Л. Фейхтвангер изменил свои мировоззренческие принципы, и уже в следующем романе «Еврей Зюсс» – прогресс в форме взаимопонимания народа и личности стал более ощутимым.

В романе Л. Фейхтвангера «Безобразная герцогиня» находят свое определенное выражение отдельные аспекты теории З. Фрейда. Это одна из частей так называемого стокгольмского синдрома (любовь жертвы к своему насильнику). В романе этот аспект приобретает гипертрофированную форму любви герцогини к Кретьену де Лаферту, который абсолютно не принимает ее, не осознает глубины чувств женщины и тем более не отвечает взаимностью. Получив жестокий отпор со стороны любимого человека, Маргарита все свое время посвящает страстной социально-политической деятельности. Фактически это оказалось для нее заполнением бреши, которая, по Фрейду, является актом «высвобожденной энергии» (любовной страсти в романе). Когда же эта деятельность герцогини оказалась нереализованной, то любовные эмоции возрождаются вновь. Так возникает

новый виток названного синдрома – болезненное влечение Маргариты к негодяю, «классическому подлецу», как принято именовать в современном литературоведении. Любовь возрождается в обновленной, чувственно непосредственной форме.

Какой же смысл конкретно Л. Фейхтвангер вложил в деятельность Маргариты? В качестве ответа на этот вопрос приводим следующие два кратких отрывка из текста: «Бог лишил ее всякой женской прелести, чтобы она вложила все силы своей женственности в управление страной» [Фейхтвангер 1989, с. 36]. Или: «Ее мощная, дышавшая надеждой и надежду рождавшая женственность изливалась в сторону, поднимала ее, давала ей все новую силу роста и развития» [там же, с. 74].

Данное объяснение, с точки зрения психоанализа характера, не является для Л. Фейхтвангера целостной концепцией, а потому применяется в настоящем романе только частично.

Итак, рассматривая проблему нерастраченной энергии Маргариты Маульгаши, напрашивается вопрос: как можно было бы логически завершить роман «Безобразная Маргарита» с учетом того обстоятельства, что героиня находится в поисках выхода нерастраченной энергии. Возможны несколько вариантов: во-первых, герцогиня продолжает бороться (или, по крайней мере, делает вид, что борется), хотя понимает, что осталась в одиночестве и обречена на пассивное существование; во-вторых, Маргарита реально продолжает держать в своих руках бразды правления, оставаясь в родном ей Тирольском графстве; в-третьих, усталость от борьбы.

Маргарита в плену эквивалентных эмоций, переживаний. Приведенные три пункта можно выразить так: от романтики любви – к пафосу активной политической деятельности; от последнего – к вечным «земным радостям» ее нового любовника Фрауенберга. Но данная «эквивалентная теория» пессимистична, потому что жизненная энергия героини при переходе из одного вида в другой идет как бы по нисходящей линии: от деяния – к бездействию, от разума – к неразумию, от человечности – к инстинктам, животному состоянию.

Так, опираясь на текст романа, мы приходим к признанию третьего пункта. Маргарита завершает политическую карьеру на одном из пустынных островов и сокращает диапазон эмоций и переживаний до физиологических (вкусовых) ощущений. К такому печальному

выводу подводит нас автор. Но этот переход отчасти оправдан обстоятельствами, а по мнению Л. Фейхтвангера, даже неизбежен.

В результате внимательного ознакомления с текстом романа и тщательного его анализа приходим к выводу, что Маргарита приложила огромные усилия, чтобы попытаться завоевать свое «маленькое женское счастье». Она также выражает искреннее желание продолжать достойно жить и действовать, однако автор привел героиню к полному бездействию, и мы видим, что все ее попытки оказались тщетными. «Всё, что казалось ей когда-то прекрасным и достойным поклонения, на самом деле было лишь глупостью, ложью, грязью, обманом. Чистота, добродетель, сила, порядок, смысл и цель были такие же пустые бессмысленные понятия, как благородство и рыцарство» [Фейхтвангер 1989, с. 113].

Реальными для нее оказались только те небольшие радости, которые воспевались в одной из скабрезных песенок Фрауенберга. Только на основе пассивности Маргарита решает устроить свою новую жизнь. «От действия к бездействию» – это не абстрагированный лозунг, а узаконенная обществом тех веков норма поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лихачев Д. С.* Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения // Вопросы методологии литературоведения. Л.: Просвещение, 1966. С. 164–181.
- Торшин А. А.* Произведение художественной литературы. Основные аспекты анализа. М.: Флинта; Наука, 2006. 256 с.
- Тюпа В. И.* Анализ // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 22–23.
- Фейхтвангер Л.* К моим читателям // «Правда», 15 апреля, 1938.
- Фейхтвангер Л.* Безобразная герцогиня Маргарита Маульташ. Еврей Зюсс. Романы. М.: Художественная литература, 1989. 638 с.

УДК 82.091

Гашимова Айбениз Ширин кызы

кандидат педагогических наук, доцент Института фольклора Национальной Академии Наук, Азербайджан; e-mail: Aybeniz.hashimova@list.ru

**ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО МИРОВИДЕНИЯ В ПЬЕСАХ
Г. ДЖАВИДА «ДЬЯВОЛ» И «ШЕЙХ САНАН»**

В статье исследуется разнообразие проявления Хаоса и Космоса в драмах Г. Давида «Дьявол» и «Шейх Санан». Основное внимание уделено тем аспектам мифологизма, которые обогащают выявление внутренних миров и психологических переживаний персонажей.

Ключевые слова: хаос; космос; пьеса; мифологизм; литература.

Hashimova Aybeniz Shirin kizi

PhD (Education), Doctorate student at the Institute of Folklore of the National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan; e-mail: Aybeniz.hashimova@list.ru

**SPECIFIC FEATURES OF THE LITERARY WORLDVIEW
IN THE PLAYS BY H. JAVID «THE DEVIL» AND «SHEIKH SANAN»**

The article explores the diversity of manifestations of Chaos and Cosmos in the dramas by G. Javid «The Devil» and «Sheikh Sanan». The focus is on those aspects of mythologism that enrich revealing the inner world and psychological experiences of the characters.

Key words: chaos; cosmos; play; mythologism; literature.

«Мечь дьявола» является последней имеющейся у нас драмой Г. Джавида. Это произведение идейно стало продолжением трагедии «Дьявол». За исключением некоторых персонажей, основные образы действуют под своими именами: Ариф, Дьявол, Рена и др. Здесь ближайшими помощниками Дьявола являются черти. Как и в трагедии «Дьявол», в пьесе «Мечь дьявола» Ариф собирается изменить Рене. Рена, ревнуя Симу к Арифу, хочет ей отомстить. В этом деле Дьявол становится помощником Рены.

Второе действие произведения происходит в Мадриде. Гремит гром, сверкает молния ... Дьявол в одеянии профессора. Самый большой университет в столице Испании городе Мадриде превратился в больницу. Идет война. Вооруженные девушки, парни, опоясанные патронташами сорвиголовы ходят туда-сюда. Эмма и ее возлюбленный Кастильо встречаются после смены. Подруге Эммы Нателле по

пути с Кастильо. Нателла сообщает о присланных из Советского Союза подарках Кастильо: «Дьявол – бездарный профессор... Мои глаза ослепли из-за ядовитых газов и других химических опытов» [Джавид 1985, с. 148].

Ищущая Арифа Рена видит его с Симой. Черти итальянского типа, японского характера, 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и др. черти сообщают Дьяволу о событиях, происходящих в гитлеровской Германии. Рена выясняет для себя, что Ариф с Симой столкнулись лишь ради ухода за ранеными. И Рена становится им в этом помощницей. Они присоединяются к борьбе против фашизма. Дьявол очень рад. Герои труда и рыцари фашизма уничтожают друг друга. Черти по очереди сообщают Дьяволу о победах войск, усиленных техникой и вооружением. Тунджер является представителем трудового народа, героем, защищающим права мозолистых рук, вспотевших лбов. Солдаты разных национальностей стреляют друг в друга. Одним из жертв перестрелок стал Кастильо.

Третье действие пьесы разворачивается в Бельгии. Представители разных национальностей сидят вокруг стола президиума. Председатель – английский лорд. Он предоставляет слово представителям различных народов, в том числе Симе и присланному Папой Римским Дьяволу. Люди со всех сторон поддерживают Дьявола. Дьявол ради английского посла призывает представителей к миру. «Его святейшество прислал меня сюда не баламутить, а примирять» [там же, с. 160].

Четвертое действие происходит в ярко освещенном пространстве салона. За левым столом сидят Ариф с Реной, справа – немецкий, итальянский и японский представители, посередине английский лорд. Дьявол беседует с английским лордом. Из их разговора становится понятно, что лорд влюбился в Симу. Никогда не упускающий из вида политического равновесия Дьявол выражает свое почтение англичанину. Сима испытывает чувство симпатии к советской делегации. Ариф приветствует позицию Симы. «Ариф – ты как солнце, искренние сердца лишь в твоей тени могут согреться» [там же, с. 164].

Начинается танец. Немецкий, итальянский, японский делегаты приглашают Симу на танец. Сима отвергает всех троих. Делегаты поднимают бокалы во имя войны и победы. «Ариф. Да здравствуют ожидающие счастья от катастроф! Да здравствует слепая совесть, взращенная кровью угнетенных» [там же, с. 166].

Пятое действие происходит в Швейцарии на большом острове, украшенном в величественном стиле. Ночь. Сима в самом тонком одеянии предалась раздумьям. Немецкий, итальянский, японский делегаты вместе признаются Симе в своей любви. И дьявол, в свою очередь, подходит к Симе. Сима симпатизирует трудящимся. В конце на Симу нападают люди в масках. Тунджал, разрезав их маски, узнает итальянца, японца, английского лорда и передает трудящимся, которые требуют их наказания. Предатели в масках разоблачены. Всякий поступок представляет собой следствие полученного человеком воспитания. Люди всегда стараются адаптироваться к своему времени.

В произведении Г. Джавида «Мечь дьявола» Сима представляет собой обвинителя, осуждающего само зло. Она при этом очень часто служит для разъяснения того, что есть добро и зло, и вне зависимости от местонахождения защищает интересы трудового народа, рабочекрестьянского правительства.

В трагедии «Дьявол» после выявления смутьянов устанавливаются причины драматических событий. Если болезнь установлена, то есть и вероятность выздоровления. В «Пророке» же внутренние противоречия остаются скрытыми, поэтому конфликт еще усугубляется. Проблемы в «Дьяволе» или «Пророке» можно отнести к разряду вечных – «Быть или не быть?». Эта проблема, как и сам мир, как христианская и мусульманская религии, представляется двойственной. Вечная борьба всегда является залогом победы гармонии над хаосом. Дьяволу противостоит пророк. Третий, средний, путь – избранный человеком путь добра, которым каждый может следовать, смирив свои страсти, следуя общим принципам гармонии, добровольно, осознанно подчиняясь гражданскому порядку.

Согласно схоластам Средневековья, красота тела – ложная, фальшивая красота. Она источник греха и обмана. Поэтому женщину нередко называют сосудом дьявола. Любовь представляет собой соглашение между двумя душами, двумя телами. Однако большая разница в возрасте влюбленных во многих случаях приводит к непониманию. Несмотря на большую разницу в возрасте между шейхом Сананом («Шейх Санан») и Хумар, Хаййамом («Хаййам») и Севдой, существовала и большая любовь. Таким образом, в любовной концепции Г. Джавида любовь – высокое чувство. Когда эти чувства между любящими теряют свою чистоту, нарушается гармония; ощущения, связанные с любовью, переживают кризис. И эти высокие чувства вместо

развития обречены на угасание. В таких случаях не имеющая взаимности любовь не выдерживает давления, задыхается.

Иногда начинается борьба двух влюбленных друг против друга. Если бы любовь Судабы и Саявуша («Саявуш»), Шамсы с пророком («Пророк»), Афет и Гаратаем («Афет») была взаимной, она достигла бы своего наивысшего расцвета. Но поскольку взаимности не было, следует говорить не о любви, а об игре в любовь. И, будучи игрой, она превратилась в легкомысленное развлечение и грех. При нарушении гармонии в любви возникает хаос. Г. Джавид в своих драмах, изображая подобные ситуации, предлагает глазам читателя и зрителя поучительный урок. «Великое произведение искусства создается тогда, когда мастер на литературной волне улавливает распространяющуюся по миру боль и превращает ее в поэтический крик».

Христианский священник хочет отомстить Санану и указывает на Коран на его груди:

О Боже, я немею:
Как может христианка стать женой
Магометанина? Наш Бог – иной [Джавид 2014, с. 162].

Священник для доказательства верности Санана своей любви хочет, чтобы он выпил вина и сжег Коран. Санан, не придавая этому значения, пьет вино. В сущности, для пьяного от любви Санана в этом нет смысла. Священник дает Санану нательный крест: если он любит Хумар, то ради нее, сменив религию, должен стать христианином. Подобное кажется Санану смешным и бессмысленным. Должно ли снова сына Марьям распять, как на кресте, на своей груди? С этими словами он обращается к священнику:

Сын Мариам распят был... Что ж, опять?
Вам мало? Ты меня решил распять?
Чего еще ты хочешь? Вознесенья?
Я крест живой, но не ищу спасенья [там же, с. 164].

На возражения шейхов Санан отвечает так:

По-моему, ты путаешь понятия:
Мы чтим Ису, а не одно распятие [там же, с. 164].
Кто явно чтит, а тайну предает,
Коран огню стократно предает.
Но суть не в том. Ведь об Исе пророке
И Мариам вешают эти строки [там же, с. 166].

Священник требует от Санана сжечь Коран, и тот передает ему священную книгу. А на изумленные возгласы присутствующих шейхов Санан отвечает:

Коран – лавина,
А не поток чернил. Коран – гроза,
А не бумага. Сжечь его нельзя [Джавид 2014, с. 165].

Небо заволакивают тучи, грозно гремит гром, который время от времени грохочет до конца сцены.

Священник настаивает, чтобы Санан сам сжег Коран, но в ответ получает слова: «В Коране упоминается и имя Исы, в которого вы верите» Тогда отец Хумар отказывается от этого испытания веры. Для шейха Санана уже не имеет значения ни бумага со священным текстом, ни шариатские запреты мусульманства. Для него наступил момент обретения совершенной любви и он находится в мире истины и гармонии. Все за пределами любви для него не имеет смысла:

Отрекаюсь
Ото всего, что не любовь! И каюсь
В том, что не есть любовь во мне самом [там же, с. 166].

В момент любви всё для Санана приобретает иной смысл. По этой причине он принимает и сказанное отцом Хумар Платоном:

Еще одно: чтоб сочетаться с ней,
Два года должен ты пасти свиней [там же, с. 167].

Пасти свиней, мясо которых в исламе признается нечистым, запрещено правилами шариата. Санан в своей душе этапы «шариат» и «вера» давно уже миновал. Ошеломленные шейхи вокруг него в один голос возражают против поступков Санана:

Ну, это слишком! Глупо, злобно, мерзко!
Пойдемте же, мой шейх. Вам здесь не место [там же, с. 167].

Шейх – Санан
Друзья, ступайте. Более ни слова.
Бог вам пошлет наставника другого [там же, с. 167].

Шейхи, покинув Санана, вернулись в Медину, а он остается в Грузии и два года пасет свиней. В это время любящие Хумар ревнивые грузины собираются убить Санана. Попытки убийства пресекаются Оздемиром и Огузом. Все отвернувшиеся от Санана и вернувшиеся в Медину шейхи прибыли к шейху Хади, ждущему их совместного

с Сананом возвращения. Шейх Хади, увидев Санана во сне в бедственном положении, проснулся в печали. Вернувшиеся из Грузии шейхи передают Хади следующую весть о Санане:

Шейх предал нашу веру и Коран,
Кошунствовал без меры Шейх – Санан.
Он, женоненавистник, в честь девицы
Повесил крест; теперь он винопийца
И стал пасти свиней ее отца,
Великий Шейх – Санан [Джавид 2014, с. 190].

Знакомый с сущностью характера Санана шейх Хади порицает вернувшихся шейхов:

Санан повесил крест, стал пить вино,
Но вы его мюриды все равно
Коль скоро свято бремя послушанья
Вам всем пристало жить как христиане
Я думаю, что если Шейх – Санан
Зачем-то принял веру христиан
То и тогда он выше перед Богом,
Чем вы в своем усердии убогом [там же, с. 191].

Шейхи раскаиваются и вместе с Хади снова отправляются в путь в Грузию для того, чтобы вести себя так, как вел себя их мюрид. Но среди шейхов есть считающий Санана заклятым нечестивцем Марван. Решение вернуться в Грузию он встречает следующим образом:

Устойчивости в них ни капли нет:
Во тьме неверья видят некий свет [там же, с. 194].

А в Грузии после завершения двухлетнего срока Санан требует от отца Хумар сдержать данное слово. Однако из-за козней священника отец Хумар нарушает данное ранее обещание. Девушка также с нетерпением ждет завершения двухлетнего испытания и соединения с возлюбленным. Но священник, увидев, что на груди Санана нет креста, обвиняет его в том, что он не отрекся окончательно от ислама. Санан отвечает так:

Мой крест, как и Коран, в душе моей
А совесть – мой имам и архиерей.
(Указывая на большой крест на груди священника)
Иные крест целуют, им грозятся,
А в их утробе дьяволы резвятся [там же, с. 201].

Обманутый Санан покидает Грузию, его возлюбленная Хумар уходит за ним. Отец Хумар и священник снаряжают погоню. В это время снова прибывшие из Медины в Грузию шейхи также следуют за Сананом.

Санан бежит к пропасти, где встречается с дервишем. Уже и сам герой находится на высоком моральном уровне дервишества. Диалоги между Сананом и дервишем составляют интеллектуальную и духовную вершину произведения.

Да это ты ли? Что с тобой, скажи?
Где шейхи, где мюриды, где хаджи?
Не видно ни следа бывшего блеска...
Я поражен: отличие слишком резко [Джавид 2015, с. 205].

Санан, указывая на преследующих его шейхов и христиан:

Религия и догма, страшный сон!
Теперь и ты узрел, как страшен он.
О, если б сбросил этот мир вериги
Застывших догм, бесчисленных религий [там же, с. 206].

Ну, Шейх – Санан, гордись и созерцай,
Какой обрел ты благодатный рай.
Он мудрым словом был тебе завещан:
Все зло и горе мира – из-за женщин [там же, с. 207].

Мой шейх, ты сбросил путы естества,
В тебе отныне истина жива
Твой ум прозрел мистические выси,
Особый мир – не в Мекке, не в Тифлисе.
Божественным сиянием одет,
Теперь и сам ты источаешь свет,
Теперь ты бог, тебе доступны разум,
Божественная милость, мощь и разум [там же, с. 207].

Находясь на вершине скалы, шейх Санан настойчивые просьбы остановиться не принимает во внимание, так как:

Кто над землю воспарил как птица
Готов разбиться, но не опуститься [там же, с. 209].

В это время уже и Хумар присоединилась к Санану. Священник, отец Хумар и другие грузинские придворные требуют от девушки вернуться домой. Санан, выслушав просьбу отца своей возлюбленной,

хочет ее возвращения. Однако Хумар решила проявить твердость во имя любви и сказала, что ни за что не разлучится с Сананом.

Ты попусту хлопчешь. Не грши.
Как отделить мне тело от души [там же, с. 211].

А на желание Санана «Вернись к отцу!» Хумар отвечает так:

Шейх, не проси и постыдись обмана.
Я жить на свете без тебя не стану [там же, с. 211].

Грузины хотят напасть на Санана, разлучить его с Хумар силой. В это время турки-бойцы Оздемир и Огуз появляются на сцене и опережают их. Санан хочет прыгнуть со скалы вместе с Хумар. И это единственный путь остановить кровопролитие. С этой вершины дороги назад нет. Нет смысла возвращаться с вершин духа и истины в неправедную жизнь. На вершине смерть становится единственным путем обретения истины. Санан и Хумар, взявшись за руки, с вершины скалы прыгают в бездну. Их полет к смерти способен понять лишь дервиш, который видит присутствующих там живых – трупами, а Санана же – духом, приобщившимся к истине:

Что вам сказать? Вы суетны и глупы.
По сути это вы живые трупы
Но в вышине – увидит зоркий взгляд –
Санан с Хумар, как ангелы, парят.
И если б вы не плакали, не пели,
А ввысь, сосредоточась, поглядели, –
Кто волю Бога сердцем принимал,
Увидел бы Санана и Хумар [там же, с. 220].

В произведении находят отражение исторические вопросы аскетизма и суфизма. Разоблачается мировоззрение института аскетизма (шейх-уль-исламство), долгое время критикуемого в суфийской литературе. С точки зрения историчности, диалог между суфизмом и аскетизмом получается убедительным. Между аскетизмом, воспринимающим ислам как застывшие запреты, и суфийским сознанием, представляющим ислам развивающейся истиной, в ходе истории возникло противостояние. Эта философская полемика в произведении «Шейх Санан» воссоздана очень подробно. Аскетизм основан на запрещающих правилах шариата. Суфизм позволяет задавать вопросы, что дает возможность вырваться из плена прошлого. Вопросы шейха

Санана воспринимаются с точки зрения аскетизма как нечестивость. На Востоке одной из причин рождения философии и мышления могут являться строгие запреты шариата. Задавать вопросы – значит, мыслить, т. е. не удовлетворяться имеющимися готовыми ответами. Поиск ответов аскетизмом запрещен, а те, кто задает вопросы, должны быть наказаны.

В мусульманстве заветной мечтой человека является стремление оказаться непосредственно перед лицом Творца. В пьесе «Шейх Санан» влюбленные гибнут ради соединения с Ним. Гусейн Джавид изобразил возвышенную мечту и жертву во имя этой мечты.

«Дьявол» в трагедии Г. Джавида – жесткий, неколебимый дух, ангел, который испытывает раздором истину, наслаждением – слабость желания. Он смеется над людьми, стремящимися обрести желаемое не своим умом и трудом, а более легким путем – благодаря труду и опыту других. Рано или поздно они будут несчастны.

История мирового романтизма убеждает в том, все дьяволы влекут человека к несчастью. Хотя цель у них одна, пути, которым они следуют, различны. Большинство ученых-джавидологов не могут однозначно утверждать, является ли Дьявол отрицательным или положительным героем. Дьявол, с одной стороны, бичует общественную среду, пороки, с другой – приводит людей, являющихся рабами своих желаний, к несчастью.

Во всех произведениях Г. Джавида присутствует философия дуализма: вера и неверие являются продолжением друг друга. Эта идея находят свое воплощение в трагедии «Дьявол» и в драме «Пророк», где воссоздается мир заблуждений и нравственных поисков. В итоге вера в честность, вера в Аллаха побеждает. Началом света мира является Бог. Порожденные светом после долгого совершенствования, обойдя Вселенную, в обновленном виде снова воссоединяются со светом. Это процесс постоянен и цикличен и в человеке, носящем в себе тайну могущества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азизова Н.* Дьявол или пророк? // Научные исследования: VIII сб. Баку: Нурлан, 2002. 239 с.
- Джавид Г.* Произведения: в 4 т. Т. IV. Баку: Писатель, 1985. 319 с.
- Джавид Г.* Избранные произведения. Т. I. Баку: Азериздат, 1968. 152 с.
- Джавид Г.* Избранные произведения. Баку: Təhsil, 2014. 547 с.

УДК 821.135.1

В. И. Куцулаб

магистр филологических наук Бэлцкого государственного университета им. А. Руссо, Республика Молдова, директор Центра языка и культуры Республики Молдова МГЛУ; e-mail: viorica.23@mail.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ТЕМАТИКИ МОЛДАВСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Молдавские народные сказки впитали в себя мудрость многих поколений, они учат честности и доброте, состраданию и смелости; успокаивают, а иногда и помогают найти выход из сложной жизненной ситуации. Им присущ особый колорит, который проявляется в образах героев, в языке, в своеобразной подаче пейзажа, в изображении социальных отношений и уклада жизни народа.

Ключевые слова: фольклор; сказка; вымысел; колорит; персонаж; юмор; смех; добро.

Kutsulab V. I.

Master of Sciences (Philology), Balti State University named after A. Russo, the Republic of Moldova, Director of Language and Culture Centre of the Republic of Moldova, Moscow State Linguistic University; e-mail: viorica.23@mail.ru

REVISITING THE SPIRIT OF MOLDAVIAN FOLK TALES

Moldavian national tales absorbed the wisdom of many generations. They teach us to be honest and kind, sympathetic and courageous. Sometimes they soothe us and help find a way out of a difficult situation. Moldavian folk tales are characterized by special spirit of their own, that is manifested in characters, language, original presentation of the landscape, description of social relations and the lifestyle of the people.

Key words: folklore; fairy tale; fiction; spirit; character; humor; laughter; kindness.

Сказка – один из древнейших жанров фольклора. Сказки впитали в себя многовековой опыт и мудрость народа.

Молдавские сказки учат своих слушателей честности и доброте, состраданию и смелости; успокаивают, а иногда даже помогают найти выход из сложной жизненной ситуации. В молдавских сказках нашли отражение героизм и свободолюбие народа. Главные герои сказок преданы родине, все силы устремляют на борьбу с врагами и защите Отчизны [Молдавские сказки ... //www.moldovenii.md]. Сказители нередко наделяют своих героев сверхъестественными силами, которые недоступны простому человеку.

Ритуал рассказывания сказок лежит в основе многих местных поверий. Например, считается, что у чабана, который каждый вечер в овчарне рассказывает сказки, может родиться волшебная овца с пророческим даром; или что сказка, рассказанная в долгий осенний или зимний вечер, сбережет дом от напасти и ночного зла [Молдавские сказки ... //www.moldovenii.md].

Молдавская народная проза является живым организмом благодаря талантливым носителям-сказочникам. Эта проза имеет общие черты в форме и содержании со сказками соседних народов и только некоторыми моментами отличается от них: это этимологические, топонимические и исторические традиции; национальные сюжеты легенд, сказок о животных, притч, баек и анекдотов.

Жанры народной прозы – это сказка, история, старина, рассказ и т. д. В прошлом сказка часто звучала на посиделках. Ее характер формировался в соответствии с характером коллективного труда. Работа (чаще всего – прядение) сопровождалась шутками, розыгрышами, песнями, рассказыванием историй, загадками и, конечно, сказками. И по сей день в молдавских селах на таких посиделках неспешно разматывается нить сказки, и люди слушают таинственный голос, дошедший до нас с незапамятных времен. Вместе с дойнами, старинными песнями, балладами, пословицами и поговорками сказки составляют духовное достояние народа, ибо в них воплощены его мироощущение и мировидение, характер и светлые мечты, понимание добра и зла, красоты и безобразного.

Сказка – это фольклорное произведение, связанное с народным творчеством или другими формами вымысла, излагаемыми в устной форме с целью развлечения; иногда сказкой называют произведение, основанное на личной фантазии или идее автора [Толковый словарь... //www.gramota.ru].

Молдавская сказка отличается живописным колоритом повествования, необычными, оригинальными именами героев. Где еще встретишь сказку про *Todericǎ-Pozdericǎ, Ion Mogoreanu, Țarul Penes?*

Изучение фольклора помогает в понимании некоторых проблем, касающихся культуры других народов, ибо Молдавия, на протяжении многих веков, была тем регионом, где сталкивались и взаимопроникали культуры Юга и Запада, Севера и Востока, оставляя глубокий след в образе жизни молдавского народа, в его исторических судьбах, что находило отражение и в фольклоре.

Специалисты, изучающие молдавский фольклор, знают, что молдавские слова *poveste* и *basm* (сказка) – это аналоги древнеславянского слова «сказка».

рум. POVESTE / русс. СКАЗКА (аналоги на румынском и русском)			
<i>Poveste</i>	<i>Basnă</i>	<i>Istorie</i>	<i>Palavră</i>
Сказка	Выдумка	История	Пустословие
<i>De pe vremuri</i>	<i>Povestire</i>	<i>Credință populară</i>	<i>Glumă</i>
Старина	Рассказ	Поверье	Шутка
<i>Brașoavă</i>	<i>Gogoasă</i>	<i>Născocire</i>	<i>Minciună</i>
Болтовня	Бредни	Небылица	Ложь

В молдавском и русском фольклоре сказки делятся на волшебные, сказки о животных, социально-бытовые и новеллистические.

По характеру повествования и содержанию молдавские новеллистические сказки реалистичны, в них почти отсутствует элемент волшебства. Их герои (крестьянин, чабан и батрак, солдат, мудрая дева) противостоят царю, богатым соседям, представителям церкви, купцам; их всегда спасает сообразительность и трудолюбие. В этих сказках отражено представление народа о добре и зле, его отношении к социальным проблемам.

Непременным атрибутом сказок является контрастное изображение действительности. *Păcală, Tîndală, Pepelea, Prîslea cel Voinic* – герои сказок, баек и анекдотов. Они обманывают, разыгрывают, высмеивают мироедов, представителей феодальной власти, торговцев и др. Однако, помимо этого, можно привести имена и ряда героев, которые совершают добрые и мудрые поступки: *Făt-Frumos, Ileana-Cosînzeana, Ilieș-Mălăieș, Nea-Aude, Nea-Vede, Nea-Greul-Pămîntului, Statu-Palmă-Barbă-Cot, Genilă, Setilă, Flămînzilă, Strîmbă-Lemne,*

Sfarmă-Piatră, Păsări-Sări-Lungilă, Ochilă, Scaraoțchi и т. д. У других народов таких имен не найдешь!

Все цари – *Peneg-Țarul, Împăratul Roșu* – Красный царь, *Împăratul Verde* – Зелен царь, *Împăratul Alb* – Белый царь, все змеи и драконы по сюжету сказок заняты в повседневной жизни традиционными делами молдаванина: сбором урожая, уходом за стадом. Они одеты в национальную одежду, на их столах национальные блюда, все любят выпить стакан молдавского вина; речь их пестрит молдавскими поговорками и пословицами, они любят рассказывать небылицы. Все заботы у них такие же, как и у молдавского крестьянина. На их свадьбах и похоронах строго соблюдаются старинные традиции. Всё это не заимствовано, а является сюжетами, основанными на происходивших в молдавской древности реальных событиях, подкрепленными фантазией народных сказителей. А сколько в них живет поэзии, какие вводные, связующие и заключительные стихотворные фразы, какие портретные описания героев, живописные пейзажи, как украшены царские дворцы, сколько в них золота, серебра и самоцветов?! Даже цветы, стены, груши-яблоки, виноградная лоза и гроздья – всё золотое. Кажется, что все герои едят золотыми ложками! Курицы несут золотые яйца! Органичное сочетание повседневного с волшебным, реального с ирреальным является основной характеристикой молдавской сказки.

Бытует мнение, что, в отличие от фольклора других народов, в молдавском фольклоре сказки про животных сохранились в меньшем количестве. Однако, познакомившись с книгой «Фантастические молдавские сказки», можно убедиться, что сказки о животных представлены здесь довольно широко; в них присутствуют те же медведь и лиса, волк и собака, ворон и журавль, мышь и кот, крыса и коза с тремя козлятами, змея и комар, куры и ястреб, заяц, муха и блоха, петух и кошка, конь и жеребенок и иные персонажи, встречающиеся в сказках других народов. Люди предстают в образе животных, и наоборот: *пчела* символизирует *трудолюбие*, *лиса* – *хитрость*, *заяц* – *трусость*, *осел* – *упрямство* и т. п. Повседневность происходящих событий, юмористический оттенок некоторых подобных сказок напминает народную притчу [Толковый словарь ... //www.gramota.ru].

Молдавским сказкам присущ свой особый колорит, он проявляется в образах героев, в языке, в своеобразии пейзажа, в изображении социальных отношений и уклада жизни народа. Большую любовь снискали

в народе комические персонажи молдавских социально-бытовых сказок и коротких юмористических рассказов – Пэкалэ и Тындалэ, олицетворяющие остроумие неунывающего крестьянина-бедняка. В сказках они предстают лукавыми притворщиками-озорниками, борющимися против социального зла оружием уничтожающего смеха. Сказки про Тындалэ и Пэкалэ были переведены на французский, немецкий, русский, украинский и другие языки мира.

По степени распространения и числу сюжетов бытовые сказки занимают в молдавском фольклоре значительное место. Сказки «Пэкалэ-батрак у попа» (*Păcală-ajutorul părintelui*), «Честность Пэкалэ – *Sinceritatea lui Păcală*» и др. раскрывают моральное превосходство человека труда над эксплуататорами: в сатирическом свете предстают бояре и их холоуи, мироеды, купцы, попы.

Пэкалэ, герой народных юмористических сказок, известен находчивостью и остроумием, скрытыми под маской наивности и непосредственности. Он обращается к сельским властям смело и с язвительной иронией. Имя *Пэкалэ* происходит от глагола *a păcăli*, который означает *обманывать, надувать кого-либо* или *ввести кого-либо в заблуждение с помощью хитрости для того, чтобы извлечь пользу или выгоду*, или просто для того, чтобы *посмеяться над кем-либо*. От этого слова образованы и другие однокоренные слова, например: *păcăleală* – *шутка, проделка, обман, надувательство*; *păcălici* и *păcălitor* – *шутник, обманщик* [Dexonline ... //dexonline.ro].

Тындалэ, приятель Пэкалэ, имя которого происходит от глагола *a tindăli*, означающего *терять зря время* или *работать очень медленно и лениво*. Имя *Тындалэ* подразумевает *человека, который ни к чему не годен, который работает без толку, смысла* [Dexonline ... //dexonline.ro]. В отличие от Пэкалэ, Тындалэ бездельник и лодырь, который спит весь день и ничего не делает.

Эти два хитреца-весельчика Пэкалэ и Тындалэ мало того, что любят смеяться над другими, – они смеются и над собой! Вот это не каждый может! Истории про них не только поучительны, но и очень веселы. Эти два хитреца учат относиться ко всему легко и с юмором.

Пэкалэ и Тындалэ, неразлучные герои молдавских народных сказаний, шутят над собой, высмеивают злых людей, лгунов, завистников, тем самым раскрывают человеческие пороки и отстаивают справедливость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Молдавские сказки и новеллистические сказки. URL: [//www.moldovenii.md](http://www.moldovenii.md)

Толковый словарь. URL: <http://www.gramota.ru>

Dexonline. URL: <https://dexonline.ro>

УДК 882, 82-21; 821.512.162, 82-31

З. И. Рустамова

доктор филологических наук, профессор Бакинского славянского университета, Азербайджан, директор Центра азербайджанского языка и культуры МГЛУ; e-mail: zenrust@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И НАРОДА («ОБМАНУТЫЕ ЗВЕЗДЫ» М. Ф. АХУНДОВА И «БОРИС ГОДУНОВ» А. С. ПУШКИНА)

В статье предлагается анализ двух произведений – азербайджанской и русской литературы; показывается, каким образом, исходя из собственных мировоззренческих идеалов, М. Ф. Ахундов и А. С. Пушкин представляют одну из актуальных и важных проблем – проблему отношений власти и народа.

Ключевые слова: народ; власть; просветитель; шах; царь.

Rustamova Z. I.

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan
Director of the Azerbaijani Language and Culture Centre, Moscow State Linguistic University; zenrust@yandex.ru

THE PROBLEM OF POWER AND PEOPLE (on the works «Deceived Stars» by M. F. Akhundov and «Boris Godunov» by A. S. Pushkin)

Analyzing the two given works of Azerbaijani and Russian literature the author shows how M. F. Akhundov and A. S. Pushkin, proceeding from their own worldview ideals, solve one of the most urgent and important problems – the problem of power and people.

Key words: people; power; enlightener; shah; tsar.

Повесть «Обманутые звезды», написанная Ахундовым в 1857 г., отразила просветительские взгляды автора и, как утверждает большинство ахундоведов, принятие им в этот период своего творчества идеи просвещенного монарха и веру в эффективность разумных реформ: «Если комедии М. Ф. Ахундова отражали умеренные просветительские взгляды автора, то в повести “Обманутые звезды” писатель ставит вопрос о коренном изменении всей системы феодально-деспотической власти, выдвигает идею просвещенной монархии» [Фейзуллаева 2006, с. 35].

Исследователи творчества Ахундова связывают причины создания повести с крестьянскими волнениями в России в предреформенный

период. Профессор М. Рафили, опираясь на эти причины, трактует обращение Ахундова к истории правления шаха Аббаса как литературный прием [Рафили 1957, с. 10], а С. Тагизаде пишет по поводу этой трактовки: «По мнению профессора, в повести в очень тонкой форме проявилось критическое отношение ... к колонизаторской политике Англии. <...> Выходит, что создание повести “Обманутые звезды” связано с Россией и западными государствами, несмотря на то, что тема взята из истории Востока. Революционные идеи и реформы, изложенные в произведении, имеют более русский, чем восточный характер» [Тагизаде 1991, с. 15]. В конце статьи мы возвращаемся к этой идее.

События, которые легли в основу сюжета повести, были взяты Ахундовым из книги иранского историка Искендербека Мунши «Тарихи-алем-арайи-Аббаси», в которой описывался период правления в Иране шаха Аббаса I (1587–1629). Сам Ахундов (как это будут делать потом некоторые представители постмодернизма) особо оговаривает этот момент и отсылает читателя к историческим хроникам: «Может быть, читатели усомнятся в правдивости этой истории и сочтут ее за вымысел автора? В таком случае я рекомендовал бы им открыть книгу “Тарихи Алим-Арам” и почитать там страницы, посвященные седьмому году царствования Шах-Аббаса» [Ахундов 1987, с. 172].

Итак, Ахундов убеждает читателя в том, что всё, описанное им, уже произошло, и что он просто использует это в своем произведении.

Вместе с тем следует отметить, что повесть имеет аллегорический и философский характер. И именно этот факт наталкивает естественным образом на мысль о том, что исторические события, показанные в ней, не просто отображены в назидание современникам, а становятся предметом глубокой рефлексии.

Речь идет о событиях, произошедших на седьмом году правления шаха Аббаса, когда придворным звездочетом Мирзой-Садреддином «по движению светил» было предсказано, что «через пятнадцать дней после Нового года ... в Иране на особу верховной власти обрушится удар судьбы» [там же, с. 165].

Шах Аббас, проинформированный по этому поводу, в срочном порядке созывает своих приближенных и ставит перед ними конкретный вопрос: «Что делать?». И тут начинается самое интересное.

Визирь, военачальник, казначей и главный мулла, призванные на совет, не зная, что сказать, пытаются увернуться от ответа и начинают расхваливать себя и свои дела, заявляя о бесконечной преданности шаху и непомерно преувеличивая свои заслуги перед ним. Они говорят обо всем, кроме того, что хочет услышать от них шах. При этом в лживых словах каждого из них слышится готовность предать другого ради собственной выгоды.

Исследуя творчество М.Ф. Ахундова, Надир Мамедов пришел к выводу, что основная цель повести заключалась в изображении социальной действительности иранского общества середины XIX в. Автор «Обманутых звезд» подверг критике современный ему иранский феодально-деспотический строй, создал яркие сатирические образы иранских феодальных правителей – Насреддин-шаха и его министров, и выразил идеи просвещения [Мамедов 1982, с. 231–242]. Автор статьи соглашается с мнением исследователя по поводу того, что Ахундов создал яркие сатирические образы иранских феодальных правителей, но при этом не соглашается с тем, что это было его основной целью.

Вернемся к сюжету. По совету астролога Мовлана-Джемаледдина, было решено временно посадить на трон другого человека, чтобы удар судьбы обрушился именно на него. После дискуссий о том, кем же временно заменить шаха, выбор пал на Юсифа-седельника. И это был неслучайный выбор. Одним ударом шах намеревался убить сразу двух зайцев. Прежде всего, под смертельный удар попадала не шахская голова, а, во-вторых, это была не просто чужая голова, а голова оппозиционера-смутьяна.

Отец Юсифа-седельника, крестьянин, мечтал сделать сына муллой и «дать ему возможность войти впоследствии в просвещенный круг ученых богословов» [Ахундов 1987, с. 172]. Юсиф учился теологии в Исфагане и Кербеле. Однако, видя лживость и продажность «ученых богословов», не стал реализовывать отцовскую мечту, а, переехав в Казвин и открыв мастерскую, начал трудиться. Честного и благородного Юсифа возмущало «лицемерие молл и гнусные поступки продажных чиновников». Он был не в состоянии удержаться от их изобличения, что принесло ему статус инакомыслящего и «проклятого мятежника». «Правдивость и смелость Юсифа завоевали ему немало искренних и преданных друзей, но, в конце концов, они же стали причиной его гибели» [там же].

Получив, по стечению обстоятельств, в руки бразды правления, сначала потрясенный, но быстро пришедший в себя Юсиф развернул активную реформаторскую деятельность. Его реформы не просто касались разных сфер жизни, но проводились, в первую очередь, с учетом интересов народа. Новоявленный шах строго запретил разорять простой люд, взыскивая с него непредусмотренные законом налоги, запретил казнить, выкалывать глаза, отрезать уши и носы без суда и следствия. Он приказал судить по справедливости, сократил расходы двора, ограничил власть духовенства и суммы, выделенные казной на его содержание, развернул строительство дорог и мостов.

По логике вещей и, соответственно, приятию Ахундовым идеи просвещенного монарха, в стране должно было наступить время благоденствия. Однако автор повести показал, что после воцарения Юсиф-шаха в стране очень скоро начало зреть и набирать силу народное недовольство. Этим воспользовалась бывшая шахская верхушка и на гребне волны народного возмущения вновь поднялась к власти.

Когда на троне восседал шах Аббас, народ проявлял недовольство его деспотичным правлением. Когда на трон взошел простой человек, который к тому же направил свою реформаторскую деятельность в сторону соблюдения народных интересов, недовольство стало проявляться с новой силой. Почему же народ, ради которого Юсиф-шах сделал всё возможное, открыто выступил за его свержение?

Ахундоведы едины во мнении, что «в целом в лице Юсифа М. Ф. Ахундов создал образ умного, талантливого и передового государственного деятеля Азербайджана и Ирана своего времени», который явился «рупором передовых идей автора» [Мамедов 1982, с. 251]. И если М. Рафили и А. Рзаев, например, связывали поражение Юсиф-шаха с пониманием Ахундова того, что «найти просвещенного монарха-гуманиста было несбыточной и иллюзорной мечтой...» [Рафили 1957, с. 238; Рзаев 1980, с. 14], то С. Асадуллаев, напротив, утверждал, что в повести «раскрывается авторская идея замены шаха-деспота просвещенным монархом, умным шахом, вышедшим из народной среды» [Жизнь и творчество М. Ф. Ахундова, с. 185]. Заметим сразу, что возможность осуществления такой идеи трудно себе даже представить. Вместе с тем следует признать, что выводы известных ученых всё же не дают объяснения факту открытой конфронтации народа против своего же благодетеля, показанной в повести азербайджанского просветителя.

Согласившись с С. Асадуллаевым в том, что «идея просвещенного монарха не является главной идеей книги», стоит обратить внимание на следующий факт [там же]. Пока Юсиф не был шахом, народ уважал его за смелость и любил за справедливость. У него было много приверженцев – «черни и подонков общества», как называли их шахские прислужники. Но когда Юсиф получил власть и начал преобразования в стране ради торжества справедливости, его приверженцы превратились в его же врагов. И это не парадокс. Дело в том, что суть проблемы повести связана не с самим Юсифом, а с тем положением, которое он занял. Шах олицетворяет собой власть в государстве. И проблема, которую ставит Ахундов в «Обманутых звездах», – это проблема отношений власти и народа.

Проблема отношений власти и народа была очень популярна в русской литературе. В XVIII в. А. П. Сумароков пытался решить ее в своей трагедии «Димитрий Самозванец», в XIX в. А. С. Пушкин посвятил ей ряд произведений, одним из которых является трагедия «Борис Годунов» (1825). Обратившись к ней, можно увидеть, что ситуация повести «Обманутые звезды» аналогична ситуации пушкинской трагедии, что время действия обоих произведений одно и то же – рубеж XVI–XVII вв., и что показанное Ахундовым в повести время замены правителя тоже можно назвать «смутным».

Борис Годунов («вчерашний раб, татарин...»), «родом он незнатен...»), не будучи еще избранным на царствование, «умел и страхом и любовью, И славою народ очаровать» [Пушкин 1975, с. 223]. Пока Борис еще не был царем, народ его любил настолько, что с воем и плачем взывал к нему: «Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами! Будь наш отец, наш царь!» [там же, с. 227]. Когда Борис согласился принять царский венец и волею судьбы стал правителем Руси, ликующая толпа кричала в радости: «Борис наш царь! да здравствует Борис!» [там же, с. 228]. В конце трагедии та же толпа будет кричать в слепой ярости: «Ступай! вязать Борисова щенка! Вязать! топить ... Да гибнет род Бориса Годунова!» [там же, с. 320]. Эти два события разделяют шесть лет.

Произошедшие за эти годы драматические события и отношение к ним народа привели царя Бориса Годунова к тяжким раздумьям: ...Я думал свой народ / В довольствии, во славе успокоить, Щедротами любовь его снискать – / Но отложил пустое попеченье: / Живая власть для черни ненавистна...» [там же, с. 242]. Когда в стране

случился голод, и народ «завыл в мученьях погибая», Годунов отворил людям царские житницы. – Народ же царя, «беснуясь, проклинал». Когда страшный пожар истребил дома, Борис выстроил народу новые жилища. – Народ обвинял в пожаре царя. Умер жених Ксении, дочери Годунова. – Народ обвинял в этой смерти царя. Народ роптал, что Годунов ускорил кончину последнего царя рода Рюриковичей – Феодора, сына Ивана Грозного, и встал на его престол, что он отравил свою сестру, смиренную монахиню... Чернь, страстно желавшая шесть лет назад, чтобы Годунов правил ею, теперь питает к нему лютую ненависть. Что же произошло?

Пушкин, разрабатывая проблему власти и народа, утверждал в трагедии, что народ находится в извечной конфронтации с властью (царем). Исторические силы – «народ» и «царь» – враждебны друг другу и непримиримы при всей своей взаимообусловленности: «Живая власть для черни ненавистна...», и чернь готова пойти за любым, кто поведет ее против власти.

Время правления Бориса (до начала смуты) обозначено тем, что в нем «явных казней нет»: всенародно «на колу кровавом» не мучают отступников, людей не жгут на площади, «а царь своим жезлом не подгребают углей» [там же, с. 257].

В повести «Обманутые звезды» говорится, что «со дня восшествия Юсиф-шаха на престол прошла неделя. Каждый день был ознаменован для жителей Ирана новыми милостями. В жизни Ирана начался период расцвета, наступили дни счастья и благоденствия» [Ахундов 1987, с. 183]. Жители Казвина «уже не видели жестоких казней с выкалыванием глаз и отрезанием ушей и носов» [там же].

Однако народу, привыкшему к жестокости, вместо того чтобы радоваться возможности свободно дышать, всё это начинало казаться «сомнительным и непонятным». Спор о том, действительно ли шах «так уж добр и милостив, или это объясняется отсутствием у него воли и слабостью характера», начинал формировать «мнение народное», что у «шаха много других пороков» [там же, с. 183–184]. И отстраненные от власти Юсиф-шахом бывшие приближенные шаха Аббаса с радостью и надеждой стали замечать, что «казвинцы ненавидят нового шаха и считают его сумасбродом и бездельником» [там же].

Народ не понимал, а потому и не мог оценить милосердие Юсиф-шаха. Хлеба и зрелищ, – вот всё, что нужно черни. Шах дал ей хлеба,

но лишил зрелищ: «...мирная жизнь под владычеством мудрого и человеколюбивого шаха показалась казвинцам слишком однообразной и скучной» [там же]. Юсиф-шах мог бы по праву произнести слова царя Бориса Годунова: «Нет, милости не чувствует народ: / Твори добро – не скажет он спасибо; / Грабь и казни – тебе не будет хуже» [Пушкин 1975, с. 310].

Князь Шуйский, знавший, как умело использовать силу толпы для достижения собственных целей, говорил Годунову: «...бессмысленная чернь / Изменчива, мятежна, суверна, / Легко пустой надежде предана, / Мгновенному внушению послушна, / Для истины глуха и равнодушна, / И баснями питается она» [там же, с. 265]. Пушкин утверждал в трагедии, что народ настроен против любого царя, и ему нужна лишь причина, чтобы подняться против власти: «Всегда народ к смятенью тайно склонен»; «Конь иногда сбивает седока» [там же, с. 310]. Поскольку именно этими настроениями воспользовались сторонники Лжедмитрия и сторонники шаха Аббаса, то к выводу М. Рафили о том, что в повести «Обманутые звезды», «в этой мудрой сказке, восторжествовала реакция» [Рафили 1957, с. 238], следует добавить, что она смогла восторжествовать, лишь использовав в своих интересах извечный конфликт между властью и народом. Однако история знает немало фактов достижения корыстных интересов меньшинства за счет силы большинства (толпы), поэтому «революционные идеи и реформы, изложенные в произведении» [Тагизаде 1991, с. 15], имеют не столько русский (вспомним мысль, отмеченную нами в начале статьи), сколько общен исторический характер.

Таким образом, крестьянские волнения в России в предреформенный период, послужившие причиной создания повести «Обманутые звезды», натолкнули Ахундова на размышление о проблеме отношений власти и народа. И если Пушкин представил конфликт между царем и народом неразрешенным, то Ахундов предполагал возможность какого-либо решения подобного конфликта. Это решение он связывал с активизацией просветительских мероприятий, поскольку считал, что поражение умного Юсиф-шаха произошло по причине недопонимания значимости и неприятия шахских реформ со стороны народа из-за его тотальной неграмотности и средневековой отсталости [Ахундов 1962, с. 186].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахундов М. Ф.* Избранные произведения. Баку: Азгосиздат, 1987. 294 с.
- Жизнь и творчество М. Ф. Ахундова // Ученые записки АПИ языков им. М. Ф. Ахундова.* Вып. 18. Баку: Изд-во АПИ, 1962. С. 184–190.
- Мамедов Н.* Реализм М. Ф. Ахундова. Баку: Маариф, 1982. 288 с.
- Пушкин А. С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. V. М.: Изд-во худ. лит-ры, 1975. 600 с.
- Рафили М. М. Ф.* Ахундов. Баку: Элм, 1957. 286 с.
- Рзаев А. К.* Ахундов. М.: Изд-во юридич. лит-ры, 1980. 72 с.
- Тагизаде С.* Мирза Фатали Ахундов и Европа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1991. 50 с.
- Фейзуллаева А.* Азербайджанские писатели в России. Баку: Элм, 2006. 321 с.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки	VESTNIK of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences
Выпуск 8 (780)	Issue 8 (780)

Ответственные за выпуск 8 (780):
кандидат филологических наук, профессор Г. Б. Воронина
ст. преподаватель А. С. Филиппова

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной
Дизайн обложки А. Г. Проскуракова

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 13.11.2017 г.
Усл. печ. л. 6.0 Формат 60x90/16
Заказ № 1552

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология
09.00.00 – Философские науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна